

Муниципальное казённое общеобразовательное учреждение
«Каменская средняя общеобразовательная школа № 1
с углублённым изучением отдельных предметов
имени Героя Советского Союза В.П.Захарченко»
Каменского муниципального района Воронежской области

Составитель: И.А.Суязова

В помощь выпускникам: зимнее сочинение **НАПРАВЛЕНИЕ 3: ЛЮБОВЬ**

п.г.т. Каменка, 2015

Оглавление

№	Содержание	Стр.
1.	Несколько слов о направлении	4
2.	Пространство любви родителей и детей Примерные темы.	5 5
3.	Советую прочитать <ul style="list-style-type: none"> Д.Кедрин. «Сердце матери» И.С.Тургенев. «Воробей» В.Астафьев. «Записка» (из книги «Затеси») М.Горький. «Сказки об Италии» (глава IX) В.М.Шукшин. «Материнское сердце» О.Митяев. «Почти у каждого из нас бывает драма...» К.Кубанец. «К родителям любовь не рвётся в ключья...» А.Некрасов. «Материнская любовь» (выжимки из книги) Мысли вслух 	5 6 6 6 10 17 17 17 18
	Пространство любви мужчины и женщины. Примерные темы.	19 19
4.	Советую прочитать Взаимная любовь: <ul style="list-style-type: none"> Любовь не купишь по заказу... М.А.Булгаков. Роман «Мастер и Маргарита» (отрывок из главы 13: встреча мастера и Маргариты) Ю.Друнина. «Ты рядом, и всё прекрасно...» В.Марков. «Умей любить...» Э.Асадов. «Баллада о любви и ненависти» Неразделённая любовь <ul style="list-style-type: none"> А.И.Куприн. «Гранатовый браслет» (два письма Желткова) С.Цвейг. «Письмо незнакомки» Мудрые мысли о любви 	19 19 20 20 21 19 23 25 26
5.	Пространство любви к окружающему миру Примерные темы	27 27
6.	Советую прочитать <ul style="list-style-type: none"> М.М.Пришвин. «Деревья в снегу» Е.Зубов. «Великий фокусник – природа!» Н.В.Гоголь. «Ночь перед Рождеством» (фрагментик) И.С.Шмелёв. «Лето Господне» (фрагментик) В.Астафьев. «Свеча над Енисеем» (из книги «Затеси») А.И.Солженицын. «Дыхание», «Утёнок» (из книги «Крохотки») 	27 28 28 28 28 29
7	Пространство любви к профессии (делу) Примерные темы	30 30
8	Советую прочитать <ul style="list-style-type: none"> А.Платонов. «Песчаная учительница» В.В.Маяковский. «Кем быть» (фрагментик) К.Чуковский. «Айболит» (фрагмент) Д.Родари. «Чем пахнут ремёсла?» Мудрые мысли о любви к профессии 	30 33 34 34 34
9	Пространство любви к людям Примерные темы	35 35
10	Советую прочитать <ul style="list-style-type: none"> М.Горький. Легенда о Данко (пересказ) 	36

	<ul style="list-style-type: none"> ✚ И.С.Тургенев. «Памяти Вревской» 36 ✚ Д.С.Лихачев. «Путиами доброты» (Из книги «Письма о добром и прекрасном») 36 ✚ О.Генри. «Последний лист» 37 ✚ Мудрые мысли о любви к людям 40 	
11	Пространство любви к себе Примерные темы	41 41
12	<p style="text-align: center;">Советую прочитать</p> <ul style="list-style-type: none"> ✚ М.Горький. Легенда о Ларре (пересказ) 41 ✚ И.С.Тургенев. «Эгоист» 41 ✚ Мудрые мысли об эгоизме 42 	
13	Пространство любви к Родине Примерные темы	43 43
14	<p style="text-align: center;">Советую прочитать</p> <ul style="list-style-type: none"> ✚ И.Полякова. «Родина моя» 44 ✚ К.Паустовский. «Мещёрская сторона» (главы) 44 ✚ И.А.Бунин. «У птицы есть гнездо...» 48 ✚ Н.Рубцов. «Ось» 48 ✚ Л.Н.Толстой. «Севастопольские рассказы» (фрагмент рассказа «Севастополь в декабре месяце») 48 ✚ В.Баснер. «С чего начинается Родина?» 49 ✚ Е.Евтушенко. «Идут белые снега» 49 ✚ С.Есенин. «Гой ты, Русь, моя родная...» 50 ✚ И.Варавва. «Мой друг! Что может быть милей...» 50 ✚ Легенда о дубе и его корнях 45 ✚ Мудрые мысли о любви к Родине 51 	
15	Пространство любви к деньгам и карьере Примерные темы	52 52
16	<p style="text-align: center;">Советую прочитать</p> <ul style="list-style-type: none"> ✚ В.Скворцов. «Размышление о карьере» 52 ✚ Аннотация на роман Кристины Хуцишвили «Deviant» 53 ✚ Д.С.Лихачев. «Карьеризм» («Письма о добром и прекрасном») 53 ✚ Мудрые мысли о деньгах 54 	
7.	Образцы сочинений	
	<ul style="list-style-type: none"> ✚ № 1: «Любовью дорожить умеете...» (С.Щипачев). 55 ✚ Любовь к профессии и к семье – источник счастья. 56 	

ФИПИ: «Любовь» – направление дает возможность посмотреть на любовь с различных позиций: родителей и детей, мужчины и женщины, человека и окружающего его мира. Речь пойдет о любви как явлении высоком, облагораживающем и возвышающем человека, о её светлых и трагических сторонах.

НЕСКОЛЬКО СЛОВ О ЛЮБВИ...

Человек не может жить без любви! Взаимной и неразделенной, к людям и к себе, к родителям и детям, к Родине и природе, к окружающему миру и профессии... Всё его жизненное пространство – это пространство любви!

Но любовь может быть разной... Существует, к сожалению, и любовь, разрушающая душу. Это гипертрофированная любовь к себе, к деньгам, к карьерному росту...

Давайте разберёмся, как в литературе раскрываются все эти проявления любви. Предлагаем Вам темы для сочинения, небольшие тексты для размышления и два образца сочинений.

ПРОСТРАНСТВО ЛЮБВИ РОДИТЕЛЕЙ и ДЕТЕЙ

к родителям

(Любовь и уважение к родителям, без всякого сомнения, есть чувство святое. В. Г. Белинский)

к детям

(Каждый ребенок - художник. Трудность в том, чтобы остаться художником, выйдя из детского возраста. Пабло Пикассо)

К. Паустовский. «Телеграмма».
В. Астафьев. «Записка» (из книги «Затеси»).
Л.Н.Толстой. Трилогия «Детство», «Отрочество», «Юность».

пространство любви

Чрезмерная любовь: Анатолий Некрасов. «Материнская любовь», Д.И.Фонвизин. «Недоросль» (Простакова).
Самоотверженная любовь: И.С.Тургенев. Стихотворение в прозе «Воробей», М.Горький. «Сказки об Италии» (глава 9).
Мудрая материнская любовь: Л.Н.Толстой. «Война и мир» (семья Ростовых).
Отсутствие материнской любви: А.П.Чехов. «Чайка» (Константин и Аркадина, которая предпочла карьеру воспитанию сына).
Вселенская любовь: В. Закруткин. «Матерь человеческая».

«Мать – это имя Бога на устах и в сердцах маленьких детей». – писал У. Теккерей.

ПРИМЕРНЫЕ ТЕМЫ

ЛЮБОВЬ РОДИТЕЛЕЙ И ДЕТЕЙ		
Чем опасна слепая материнская любовь?	«От любви к женщине родилось все прекрасное на земле» (А.М.Горький)	Любовь матери - путеводная звезда, которая не дает человеку сбиться с дороги жизни.
Может ли материнская любовь принести вред?	"Любовью дорожить умеете" (С.Щипачев)	Душа матери пропитана любовью...
Бывает ли любовь чрезмерной?	«Будущее нации - в руках матерей». (О. Бальзак)	Сила материнской любви – в её сердце...
Благодарны ли дети?	Рука, качающая колыбель, правит миром. (Петер де Вриес)	Подвиг матери

СОВЕТУЮ ПРОЧИТАТЬ...

<p>Дмитрий Кедрин Сердце матери Дивчину пытается казак у плетня: -Когда ж ты, Оксана, полюбишь меня? Я саблей добуду для крали своей И светлых цехинов, и звонких рублей!- Дивчина в ответ, заплетая косу: -Про то мне ворожка гадала в лесу.</p>	<p>Я пепел его настою на хмелю, Настоя напьюсь - и тебя полюблю!- Казак с того дня замолчал, захмурил, Борща не хлебал, саламаты не ел. Клинком разрубил он у матери грудь И с ношей заветной отправился в путь Он сердце её на цветном рушнике Коханой приносит в косматой руке.</p>
---	---

Пророчит она: мне полюбится тот,
Кто матери сердце мне в дар принесет.
Не надо цехинов, не надо рублей,
Дай сердце мне матери старой твоей.

В пути у него помутилось в глазах,
Всходя на крылечко, споткнулся казак.
И матери сердце, упав на порог,
Спросило его: «Не ушибся, сынок?»

И.С.Тургенев

Воробей
(стихотворение в прозе)

Я возвращался с охоты и шёл по аллее сада. Собака бежала впереди меня. Вдруг она уменьшила свои шаги и начала красться, как бы зачуяв перед собою дичь. Я глянул вдоль аллеи и увидел молодого воробья с желтизной около клюва и пухом на голове. Он упал из гнезда (ветер сильно качал берёзы аллеи) и сидел неподвижно, беспомощно растопырив едва прораставшие крылышки.

Моя собака медленно приближалась к нему, как вдруг, сорвавшись с близкого дерева, старый черногрудый воробей камнем упал перед самой её мордой - и весь взъерошенный, искажённый, с отчаянным и жалким писком прыгнул раза два в направлении зубастой раскрытой пасти.

Он ринулся спасать, он заслонил собою своё детище... но всё его маленькое тело трепетало от ужаса, голосок одичал и охрип, он замирал, он жертвовал собою!

Каким громадным чудовищем должна была ему казаться собака! И всё-таки он не мог усидеть на своей высокой, безопасной ветке... Сила, сильнее его воли, сбросила его оттуда.

Мой Трезор остановился, попятился. Видно, и он признал эту силу.

Я поспешил отозвать смущённого пса - и удалился, благоговей.

Да, не смейтесь. Я благоговел перед той маленькой, героической птицей, перед любовным её порывом.

Любовь, думал я, сильнее смерти и страха смерти. Только ею, только любовью держится и движется жизнь.

В.Астафьев

Записка
(миниатюра из книги «Затеси»)

Записка

"НА ПРОКОРМ ЛЕГКА, ХОТЯ И ОБЪЕСТЬ МОЖЕТ, НО НЕ ЗЛОВРЕДНА".

Нет, это не из Гоголя и не из Салтыкова-Щедрина, и не из прошлого века.

В наши дни, в век, так сказать, энтээра, из старой русской деревни, подбив продать домишко, родной сынок привез в город собственную мать, неграмотную, изношенную в работе, и "забыл" ее на вокзале.

В карман выходной плюшевой жакетки матери вместо денег сынок вложил эту самую записку, как рекомендательное письмо в няньки, сторожихи, домработницы.

Все же жаль порою бывает, что отменена публичная порка. Для автора этой записки я сам нарубил бы виц и порол бы его, порол до крови, до визга, чтоб далеко и всем было слышно.

Бесчеловечность самых близких – самое страшное на свете. Трудно поверить, что на такое способны люди. Оставить мать на произвол судьбы. "Забыть" ее на вокзале. Оставив лишь записку в кармане. Писатель иронизирует, описывая поведение "сынка". Сыном не может называться человек, который оставил свою мать.

М.Горький.

Сказки об Италии
IX глава

Прославим женщину — Мать, неиссякаемый источник всё побеждающей жизни!

Здесь пойдет речь о железном Тимур-ленге, хромом барсе, о Сахиб-и-Кириани — счастливом завоевателе, о Тамерлане, как называли его неверные, о человеке, который хотел разрушить весь мир.

Пятьдесят лет ходил он по земле, железная стопа его давила города и государства, как нога слона муравейники, красные реки крови текли от его путей во все стороны; он строил высокие

башни из костей побежденных народов; он разрушал жизнь, споря в силе своей со Смертью, он мстил ей за то, что она взяла сына его Джигангира; страшный человек — он хотел отнять у нее все жертвы — да издохнет она с голода и тоски!

С того дня, как умер сын его Джигангир и народ Самарканда встретил победителя злых джеттов одетый в черное и голубое, посыпав головы свои пылью и пеплом, с того дня и до часа встречи со Смертью в Отраре, где она поборола его, — тридцать лет Тимур ни разу не улыбнулся — так жил он, сомкнув губы, ни пред кем не склоняя головы, и сердце его было закрыто для сострадания тридцать лет!

Прославим в мире женщину — Мать, единую силу, пред которой покорно склоняется Смерть! Здесь будет сказана правда о Матери, о том, как преклонился пред нею слуга и раб Смерти, железный Тамерлан, кровавый бич земли.

Вот как это было: пировал Тимур-бек в прекрасной долине Канигула, покрытой облаками роз и жасмина, в долине, которую поэты Самарканда называли «Любовь цветов» и откуда видны голубые минареты великого города, голубые купола мечетей.

Пятнадцать тысяч круглых палаток раскинуто в долине широким веером, все они — как тюльпаны, и над каждой — сотни шелковых флагов трепещут, как живые цветы.

А в середине их — палатка Гуругана-Тимура — как царица среди своих подруг. Она о четырех углах, сто шагов по сторонам, три копыта в высоту, ее середина — на двенадцати золотых колоннах в толщину человека, на вершине ее голубой купол, вся она из черных, желтых, голубых полос шелка, пятьсот красных шнуров прикрепили ее к земле, чтобы она не поднялась в небо, четыре серебряных орла по углам ее, а под куполом, в середине палатки, на возвышении, — пятый, сам непобедимый Тимур-Гуруган, царь царей.

На нем широкая одежда из шелка небесного цвета, ее осыпают зерна жемчуга — не больше пяти тысяч крупных зерен, да! На его страшной седой голове белая шапка с рубином на острой верхушке, и качается, качается — сверкает этот кровавый глаз, озирая мир.

Лицо Хромого, как широкий нож, покрытый ржавчиной от крови, в которую он погружался тысячи раз; его глаза узки, но они видят всё, и блеск их подобен холодному блеску царамута, любимого камня арабов, который неверные зовут изумрудом и который убивает падучую болезнь. А в ушах царя — серьги из рубинов Цейлона, из камней цвета губ красивой девушки.

На земле, на коврах, каких больше нет, — триста золотых кувшинов с вином и всё, что надо для пира царей, сзади Тимура сидят музыканты, рядом с ним — никого, у ног его — его кровные, цари и князья, и начальники войск, а ближе всех к нему — пьяный Кермани-поэт, тот, который однажды, на вопрос разрушителя мира:

— Кермани! Сколько б ты дал за меня, если б меня продавали? — ответил сеятелю смерти и ужаса:

— Двадцать пять аскеров.

— Но это цена только моего пояса! — вскричал удивленный Тимур.

— Я ведь и думаю только о поясе, — ответил Кермани, — только о поясе, потому что сам ты не стоишь ни гроша!

Вот как говорил поэт Кермани с царем царей, человеком зла и ужаса, и да будет для нас слава поэта, друга правды, навсегда выше славы Тимура.

Прославим поэтов, у которых один бог — красиво сказанное, бесстрашное слово правды, вот кто бог для них — навсегда!

И вот, в час веселья, разгула, гордых воспоминаний о битвах и победах, в шуме музыки и народных игр пред палаткой царя, где прыгали бесчисленные пестрые шуты, боролись силачи, изгибались канатные плясуны, заставляя думать, что в их телах нет костей, состязаясь в ловкости убивать, фехтовали воины и шло представление со слонами, которых окрасили в красный и зеленый цвета, сделав этим одних — ужасными и смешными — других, — в этот час радости людей Тимура, пьяных от страха пред ним, от гордости славой его, от усталости побед, и вина, и кумыса, — в этот безумный час, вдруг, сквозь шум, как молния сквозь тучу, до ушей победителя Баязета-султана долетел крик женщины, гордый крик орлицы, звук, знакомый и родственный его оскорбленной душе, — оскорбленной Смертью и потому жестокой к людям и жизни.

Он приказал узнать, кто там кричит голосом без радости, и ему сказали, что явилась какая-то женщина, она вся в пыли и лохмотьях, она кажется безумной, говорит по-арабски и требует — она

требует! — видеть его, повелителя трех стран света.

— Приведите ее! — сказал царь.

И вот пред ним женщина — босая, в лоскутках выцветших на солнце одежд, черные волосы ее были распущены, чтобы прикрыть голую грудь, лицо ее, как бронза, а глаза повелительны, и темная рука, протянутая Хромому, не дрожала.

— Это ты победил султана Баязета? — спросила она.

— Да, я. Я победил многих и его и еще не устал от побед. А что ты скажешь о себе, женщина?

— Слушай! — сказала она. — Что бы ты ни сделал, ты — только человек, а я — Мать! Ты служишь смерти, я — жизни. Ты виноват предо мной, и вот я пришла требовать, чтоб ты искупил свою вину, — мне говорили, что девиз твой «Сила — в справедливости», — я не верю этому, но ты должен быть справедлив ко мне, потому что я — Мать!

Царь был достаточно мудр для того, чтобы почувствовать за дерзостью слов силу их, — он сказал:

— Сядь и говори, я хочу слушать тебя!

Она села — как нашла удобным — в тесный круг царей, на ковер, и вот что рассказала она:

— Я — из-под Салерно, это далеко, в Италии, ты не знаешь где! Мой отец — рыбак, мой муж — тоже, он был красив, как счастливый человек, — это я поила его счастьем! И еще был у меня сын — самый прекрасный мальчик на земле...

— Как мой Джигангир, — тихо сказал старый воин.

— Самый красивый и умный мальчик — это мой сын! Ему было шесть лет уже, когда к нам на берег явились сарацины-пираты, они убили отца моего, мужа и еще многих, а мальчика похитили, и вот четыре года, как я его ишу на земле. Теперь он у тебя, я это знаю, потому что воины Баязета схватили пиратов, а ты — победил Баязета и отнял у него всё, ты должен знать, где мой сын, должен отдать мне его!

Все засмеялись, и сказали тогда цари — они всегда считают себя мудрыми!

— Она — безумна! — сказали цари и друзья Тимура, князья и военачальники его, и все смеялись.

Только Кермани смотрел на женщину серьезно, и с великим удивлением Тамерлан.

— Она безумна как Мать! — тихо молвил пьяный поэт Кермани; а царь — враг мира — сказал:

— Женщина! Как же ты пришла из этой страны, неведомой мне, через моря, реки и горы, через леса? Почему звери и люди — которые часто злее злейших зверей — не тронули тебя, ведь ты шла, даже не имея оружия, единственного друга беззащитных, который не изменяет им, доколе у них есть сила в руках? Мне надо знать всё это, чтобы поверить тебе и чтобы удивление пред тобою не мешало мне понять тебя!

Восславим женщину — Мать, чья любовь не знает преград, чьей грудью вскормлен весь мир! Всё прекрасное в человеке — от лучей солнца и от молока Матери, — вот что насыщает нас любовью к жизни!

Сказала она Тимур-ленгу:

— Море я встретила только одно, на нем было много островов и рыбацких лодок, а ведь если ищешь любимое — дует попутный ветер. Реки легко переплыть тому, кто рожден и вырос на берегу моря. Горы? — я не заметила гор.

Пьяный Кермани весело сказал:

— Гора становится долиной, когда любишь!

— Были леса по дороге, да, это — было! Встречались вепри, медведи, рыси и страшные быки, с головой, опущенной к земле, и дважды смотрели на меня барсы, глазами, как твои. Но ведь каждый зверь имеет сердце, я говорила с ними, как с тобой, они верили, что я — Мать, и уходили, вздыхая, — им было жалко меня! Разве ты не знаешь, что звери тоже любят детей и умеют бороться за жизнь и свободу их не хуже, чем люди?

— Так, женщина! — сказал Тимур. — И часто — я знаю — они любят сильнее, борются упорнее, чем люди!

— Люди, — продолжала она, как дитя, ибо каждая Мать — сто раз дитя в душе своей, — люди — это всегда дети своих матерей, — сказала она, — ведь у каждого есть Мать, каждый чей-то сын, даже и тебя, старик, ты знаешь это, — родила женщина, ты можешь отказаться от бога, но от этого не откажешься и ты, старик!

— Так, женщина! — воскликнул Кермани, бесстрашный поэт. — Так, — от сборища быков — телят не будет, без солнца не цветут цветы, без любви нет счастья, без женщины нет любви, без Матери — нет ни поэта, ни героя!

И сказала женщина:

— Отдай мне моего ребенка, потому что я — Мать и люблю его!

Поклонимся женщине — она родила Моисея, Магомета и великого пророка Иисуса, который был умерщвлен злыми, но — как сказал Шерифэддин — он еще воскреснет и придет судить живых и мертвых, в Дамаске это будет, в Дамаске!

Поклонимся Той, которая неутомимо родит нам великих! Аристотель сын Ее, и Фирдуси, и сладкий, как мед, Саади, и Омар Хайям, подобный вину, смешанному с ядом, Искандер и слепой Гомер — это всё Ее дети, все они пили Ее молоко, и каждого Она ввела в мир за руку, когда они были ростом не выше тюльпана, — вся гордость мира — от Матерей!

И вот задумался седой разрушитель городов, хромой тигр Тимур-Гуруган, и долго молчал, а потом сказал ко всем:

— Мен тангри кули Тимур! Я, раб божий Тимур, говорю что следует! Вот — жил я, уже много лет, земля стонет подо мною, и тридцать лет, как я уничтожаю жатву смерти вот этою рукой, — для того уничтожаю, чтобы отомстить ей за сына моего Джигангира, за то, что она погасила солнце сердца моего! Боролись со мною за царства и города, но — никто, никогда — за человека, и не имел человек цены в глазах моих, и не знал я — кто он и зачем на пути моем? Это я, Тимур, сказал Баязету, победив его: «О Баязет, как видно — пред богом ничто государства и люди, смотри — он отдает их во власть таких людей, каковы мы: ты — кривой, я — хром!» Так сказал я ему, когда его привели ко мне в цепях и он не мог стоять под тяжестью их, так сказал я, глядя на него в несчастьи, и почувствовал жизнь горькою, как полынь, трава развалин!

— Я, раб божий Тимур, говорю что следует! Вот — сидит предо мною женщина, каких тьмы, и она возбудила в душе моей чувства, неведомые мне. Говорит она мне, как равному, и она не просит, а требует. И я вижу, понял я, почему так сильна эта женщина, — она любит, и любовь помогла ей узнать, что ребенок ее — искра жизни, от которой может вспыхнуть пламя на многие века. Разве все пророки не были детьми и герои — слабыми? О, Джигангир, огонь моих очей, может быть, тебе суждено было согреть землю, засеять ее счастьем — я хорошо полил ее кровью, и она стала тучной!

Снова долго думал бич народов и сказал наконец:

— Я, раб божий Тимур, говорю что следует! Триста всадников отправятся сейчас же во все концы земли моей, и пусть найдут они сына этой женщины, а она будет ждать здесь, и я буду ждать вместе с нею, тот же, кто воротится с ребенком на седле своего коня, он будет счастлив — говорит Тимур! Так, женщина?

Она откинула с лица черные волосы, улыбнулась ему и ответила, кивнув головой:

— Так, царь!

Тогда встал этот страшный старик и молча поклонился ей, а веселый поэт Кермани говорил, как дитя, с большой радостью:

Что прекрасней песен о цветах и звездах?

Всякий тотчас скажет: песни о любви!

Что прекрасней солнца в ясный полдень мая?

И влюбленный скажет: та, кого люблю!

Ах, прекрасны звезды в небе полуночи — знаю!

И прекрасно солнце в ясный полдень лета — знаю!

Очи моей милой всех цветов прекрасней — знаю!

И ее улыбка ласковее солнца — знаю!

Но еще не спета песня всех прекрасней,

Песня о начале всех начал на свете,

Песнь о сердце мира, о волшебном сердце

Той, кого мы, люди, Матерью зовем!

И сказал Тимур-ленг своему поэту:

— Так, Кермани! Не ошибся бог, избрав твои уста для того, чтоб возвещать его мудрость!

— Э! Бог сам — хороший поэт! — молвил пьяный Кермани.

А женщина улыбалась, и улыбались все цари и князья, военачальники и все другие дети, глядя на нее — Мать!

Всё это — правда; все слова здесь — истина, об этом знают наши матери, спросите их, и они скажут:

— Да, всё это вечная правда, мы — сильнее смерти, мы, которые непрерывно дарим миру мудрецов, поэтов и героев, мы, кто сеет в нем всё, чем он славен!

В.М.Шукшин.

Рассказ «Материнское сердце»

Витька Борзенков поехал на базар в районный городок, продал сала на сто пятьдесят рублей (он собирался жениться, позарез нужны были деньги), пошел в винный ларек "смазать" стакан-другой красного, Потом вышел, закурил...

Подошла молодая девушка, попросила:

-- Разреши прикурить,

Витька дал ей прикурить от своей папироски, а сам с интересом разглядывал лицо девушки -- молодая, припухла, пальцы трясутся.

-- С похмелья? - прямо спросил Витька,

-- Ну, - тоже просто и прямо ответила девушка, с наслаждением затягиваясь "беломориной".

-- А похмелиться не на что, - стал дальше развивать мысль Витька, довольный, что умеет понимать людей, когда им худо.

-- А у тебя есть?

(Никогда бы, ни с какой стати не подумал Витька, что девушка специально наблюдала за ним, когда он продавал сало, и что у ларька она его просто подкараулила.)

-- Пойдем, поправься. -- Витьке понравилась девушк -- миловидная, стройненькая... А ее припухлость и особенно откровенность, с какой она призналась в своей несостоятельности, даже как-то взволновали.

Они зашли в ларек... Витька взял бутылку красного, два стакана... Сам выпил полтора стакана, остальное великодушно налил девушке. Они вышли опять на крыльцо, закурили, Витьке стало хорошо, девушке тоже. Обоим стало хорошо.

-- Здесь живешь?

-- Вот тут, недалеко, -- кивнула девушка, -- Спасибо, легче стало.

-- Может, еще хочешь?

-- Можно вообще-то... Только не здесь.

-- Где же?

-- Можно ко мне пойти, у меня дома никого нет...

В груди у Витьки нечто такое сладостно-скользское вильнуло хвостом.

Было еще рано, а до деревни своей Витьке ехать полтора часа автобусом -- можно все успеть сделать.

-- У меня там еще подружка есть, -- подсказала девушка, когда Витька соображал, сколько взять. Он поэтому и взял: одну белую и две красных.

-- С закусом одолеем, -- решил он. -- Есть чем закусить?

-- Найдем.

Пошли с базара, как давние друзья.

-- Чего приезжал?

-- Сало продал... Деньги нужны -- женюсь.

-- Да?

-- Женюсь. Хватит бурлачить. -- Странно, Витька даже и не подумал, что поступает нехорошо в отношении невесты -- куда-то идет с незнакомой девушкой, и ему хорошо с ней, лучше, чем с невестой, -- интересней.

-- Хорошая девушка?

Как тебе сказать?.. Домовитая. Хозяйка будет хорошая.

-- А насчет любви?

-- Как тебе сказать?.. Такой, как раньше бывало, -- здесь вот кипятком подмывало чего-то такое,

-- такой нету. Так... Надо же когда-нибудь жениться.

-- Не промахнись. Будешь потом... Непривязанный, а визжать будешь.

В общем, поговорили в таком духе, пришли к дому девушки. (Ее звали Рита.) Витька и не заметил, как дошли и как шли -- какими переулками. Домик как домик -- старенький, темный, но еще будет стоять семьдесят лет, не охнет.

В комнатке (их три) чистенько, занавесочки, скатерочки на столах -- уютно. Витька вовсе воспрянул духом.

"Шик-блеск-гру-ля-ля", -- всегда думал он, когда жизнь сулила скорую радость.

-- А где же подружка?

-- Я сейчас схожу за ней. Посидишь?

-- Посижу. Только поскорей, ладно?

-- Заведи вон радиолу, чтоб не скучать. Я быстро.

Ну почему так легко, хорошо Витьке с этой девушкой? Пять минут знакомы, а... Ну, жизнь! У девушки грустные, задумчивые, умные глаза, Витьке то вдруг становится жалко девушку, то охота стиснуть ее в объятиях.

Рита ушла. Витька стал ходить по комнате -- радиолу не завел: без радиолы сердце билось в радостном предчувствии.

Потом помнит Витька: пришла подружка Риты -- похуже, постарше, потасканная и притворная. Затараторила с ходу, стала рассказывать, что она когда-то была в цирке, "работала каучук". Потом пили... Витька прямо тут же за столом целовал Риту, подружка смеялась одобрительно, а Рита слабо била рукой Витьку по плечу, вроде отталкивала, а сама льнула, обнимала за шею.

"Вот она -- жизнь! -- ворочалось в горячей голове Витьки, -- Вот она -- зараза кипучая. Молодец я!"

Потом Витька ничего не помнит -- как отрезало. Очнулся поздно вечером под каким-то забором... Долго мучительно соображал, где он, что произошло. Голова гудела, виски вываливались от боли. Во рту пересохло все, спеклось. Кое-как припомнил девушку Риту... И понял: опоиili чем-то, одурманили и, конечно, забрали деньги. Мысль о деньгах сильно встряхнула. Он с трудом поднялся, обшарил все карманы: да, денег не было, Витька прислонился к забору, осмотрелся... Нет, ничего похожего на дом Риты поблизости не было. Все другое, совсем другие дома.

У Витьки в укромном месте, в загатнике, был червонец -- еще на базаре сунул туда на всякий случай... Пошарил -- там червонец. Витька пошел наугад -- до первого встречного, Спросил у какого-то старичка, как пройти к автобусной станции. Оказалось, не так далеко: прямо, потом налево переулком и вправо по улице опять прямо. "И упретесь в автобусную станцию". Витька пошел... И пока шел до автобусной станции, накопил столько злобы на городских прохиндеев, так их возненавидел, паразитов, что даже боль в голове поунялась, и наступила свирепая ясность, и родилась в груди большая мстительная сила.

-- Ладно, ладно, -- бормотал он, -- я вам устрою...

Что он собирался сделать, он не знал, знал только, что добром все это не кончится. Около автобусной станции допоздна работал ларек, там всегда толпились люди.

Витька взял бутылку красного, прямо из горлышка выпил ее всю до доньшка, запустил бутылку в скверик... Были рядом с ним какие-то подпившие мужики, трое. Один сказал ему:

-- Там же люди могут сидеть.

Витька расстегнул свой флотский ремень, намотал конец на руку -- оставил свободной тяжелую бляху как кистень. Эти трое подвернулись кстати.

-- Ну?! -- удивился Витька. -Неужели люди? Разве в этом вшивом городишке есть люди?

Трое переглянулись.

-- А кто же тут, по-твоему?

-- Суки! Каучук работаете, да?

Трое пошли на него, Витька пошел на троих... Один сразу свалился от удара бляхой по голове, двое пытались достать Витьку ногой или руками, берегли головы. Потом они заорали:

-- Наших бьют!

Еще налетело человек пять... Попало и Витьке: кто-то сзади тяпнул бутылкой по голове, но вскользь -- Витька устоял. Оскорбленная душа его возликовала и обрела устойчивый покой,

Нападавшие матерились, бестолково кучились, мешали друг другу, советовали -- этим пользовался Витька и бил.

Прибежала милиция... Всем скопом загнали Витьку в угол -- между ларьком и забором. Витька отмахивался. Милиционеров пропустили вперед, и Витька сдуру ударил одного по голове бляхой. Бляха Витькина страшна еще тем, что с внутренней стороны, в изогнутость ее, был налит свинец. Милиционер упал... Все ахнули и оторопели. Витька понял, что свершилось непоправимое, бросил ремень... Витьку отвезли в КПЗ.

Мать Витькина узнала о несчастье на другой день. Утром ее вызвал участковый и сообщил, что Витька натворил в городе то-то и то-то.

-- Батюшки-святы! -- испугалась мать. -- Чего же ему теперь за это?

-- Тюрьма. Тюрьма верная. У милиционера травма, лежит в больнице. За такие дела -- только тюрьма. Лет пять могут дать. Что он, сдурел, что ли?

-- Батюшка, ангел ты мой господний, -- взмолилась мать, -- помоги как-нибудь!

-- Да ты что! Как я могу помочь?..

-- Да выпил он, должно, он дурной выпимши...

-- Да не могу я ничего сделать, пойми ты! Он в КПЗ, на него уже, наверно, завели дело...

-- А кто же бы мог бы помочь-то?

-- Да никто. Кто?.. Ну, съезди в милицию, узнай хоть подробности. Но там тоже...

Что они там могут сделать?

Мать Витькина, сухая, двужильная, легкая на ногу, заметалась по селу. Сбегала к председателю сельсовета -- тот тоже развел руками:

-- Как я могу помочь? Ну, характеристику могу написать... Все равно, наверно, придется писать. Ну, напишу хорошую.

-- Напиши, напиши, как получше, разумная ты наша головушка. Напиши, что -- по пьянке он, он тверезый-то мухи не обидит...

-- Там ведь не будут спрашивать, по пьянке он или не по пьянке... Ты вот что: съезди к тому милиционеру, может, не так уж он его и зашиб-то. Хотя вряд ли...

-- Вот спасибо-то тебе, ангел ты наш, вот спасибочко-то...

-- Да не за что...

Мать Витькина кинулась в район. Мать Витькина родила пятерых детей, рано осталась вдовой (Витька еще грудной был, когда пришла похоронка об отце в 42-м году), старший сын ее тоже погиб на войне в 45-м году, девочка умерла от истощения в 46-м году, следующие два сына выжили, мальчиками еще ушли по вербовке в ФЗУ и теперь жили в разных городах. Витьку мать выходила из последних сил, все распродала, но сына выходила -- крепкий вырос, ладный собой, добрый... Все бы хорошо, но пьяный -- дурак дураком становится. В отца пошел -- тот, царство ему небесное, ни одной драки в деревне не пропускаял.

В милицию мать пришла, когда там как раз обсуждали вчерашнее происшествие на автобусной станции. Милиционера Витька угостил здорово -- тот действительно лежал в больнице. Еще двое алкашей тоже лежали в больнице -- тоже от Витькиной бляхи. Бляху с интересом разглядывали.

-- Придумал, сволочь!.. Догадайся: ремень и ремень. А у него тут целая гирька. Хорошо еще -- не ребром угодил...

И тут вошла мать Витьки... И, переступив порог, упала на колени, и завывала, и запричитала:

-- Да ангелы вы мои милые, да разумные ваши головушки!.. Да способитесь вы как-нибудь с вашей обидушкой -- простите вы его, окаянного! Пьяный он был... Он тверезый последнюю рубаху отдаст, сроду тверезый никого не обидел...

Заговорил старший, что сидел за столом и держал в руках Витькин ремень.

Заговорил обстоятельно, спокойно, попроще -- чтоб мать все поняла.

-- Ты подожди, мать. Ты встань, встань -- здесь не церква. Иди, глянь... Мать поднялась, чуть успокоенная доброжелательным тоном начальственного голоса.

-- Вот гляди: ремень твоего сына... Он во флоте, что ли, служил?

-- Во флоте, во флоте -- на кораблях-то на этих...

-- Теперь смотри: видишь? -- Начальник перевернул бляху, взвесил на руке. -- Этим же убить человека -- дважды два. Попади он вчера кому-нибудь этой штукой ребром -- конец. Убийство. Да и плашмя троих уходил так, что теперь врачи борются за их жизни. А ты говоришь: простить. Ведь он же трех человек в больницу уложил. А одного при исполнении служебных обязанностей. Ты подумай сама: как же можно прощать за такие дела, действительно?

Материнское сердце, оно -- мудрое, но там, где замаячила беда родному дитю, мать не способна воспринимать посторонний разум, и логика тут ни при чем.

-- Да сыночки вы мои милые! -- воскликнула мать и заплакала. -- Да нечто не бывает по пьяному делу?! Да всякое бывает -- подрались... Сжальтесь вы над ним!..

Тяжело было смотреть на мать. Столько тоски и горя, столько отчаяния было в ее голосе, что становилось не по себе, И хоть милиционеры -- народ до жалости неохочий, даже и они -- кто отвернулся, кто стал закуривать...

-- Один он у меня -- при мне-то: и поилец мой, и кормилец. А еще вот жениться надумал -- как же тогда с девкой-то, если его посадят? Неужто ждать его станет? Не станет. А девка-то добрая, из хорошей семьи -- жалко...

-- Он зачем в город-то приезжал? -- спросил начальник.

-- Сала продать, На базар -- сальца продать. Деньжонки-то нужны, раз уж свадьбу-то наметили, где их больше возьмешь?

-- При нем никаких денег не было,

-- Батюшки-святые! -- испугалась мать. -- А иде ж они?

-- Это у него надо спросить.

-- Да украли небось! Украли!.. Да милый ты сын, он оттого, видно, и в драку-то полез -- украли их у него!.. Жулики украли...

-- Жулики украли, а при чем здесь наш сотрудник -- за что он его-то?

-- Да попал, видно, под горячую руку.

-- Ну, если каждый раз так попадать под горячую руку, у нас скоро и милиции не останется. Слишком уж они горячие, ваши сыновья! -- Начальник набрался твердости, -- Не будет за это прощения, получит свое -- по закону,

-- Да ангелы вы мои, люди добрые, -- опять взмолилась мать, -- пожалейте вы хоть меня, старуху, я только теперь маленько и свет-то увидела... Он работающий парень-то, а женился бы, он бы совсем справный мужик был. Я бы хоть внучаток понянчила...

-- Дело даже не в нас, мать, ты пойми. Есть же прокурор! Ну, выпустили мы его, а с нас спросят: на каком основании? Мы не имеем права. Права даже такого не имеем. Я же не буду вместо него садиться,

-- А может, как-нибудь задобрить того милиционера? У меня холст есть, я нынче холста наткала -- пропасть! Все им готовила...

-- Да не будет он у тебя ничего брать, не будет! -- уже кричал начальник, -- Не ставь ты людей в смешное положение, действительно. Это же не кум с кумом поцапались!

-- Куда же мне теперь идти-то, сыночки? Повыше-то вас есть кто или уж нету?

-- Пусть к прокурору сходит, -- посоветовал один из присутствующих.

-- Мельников, проводи ее до прокурора, -- сказал начальник. И опять повернулся к матери, и опять стал с ней говорить, как с глухой или совсем уж бестолковой: -- Сходи к прокурору -- он повыше нас! И дело уже у него, И пусть он тебе там объяснит: можем мы чего сделать или нет? Никто же тебя не обманывает, пойми ты! Мать пошла с милиционером к прокурору.

Дорогой пыталась заговорить с милиционером Мельниковым.

-- Сыночек, что, шибко он его зашиб-то?

Милиционер Мельников задумчиво молчал.

-- Сколько же ему дадут, если судить-то станут?

Милиционер шагал широко. Молчал.

Мать семенила рядом и все хотела разговорить длинного, заглядывала ему в лицо.

-- Ты уж разъясни мне, сынок, не молчи уж... Мать-то и у тебя небось есть, жалко ведь вас, так жалко, что вот говорю -- а каждое слово в сердце отдаёт. Много ли дадут-то?

Милиционер Мельников ответил туманно:

-- Вот когда украшают могилы: оградки ставят, столбики, венки кладут... Это что -- мертвым надо? Это живым надо. Мертвым уже все равно.

Мать охватил такой ужас, что она остановилась,

-- Ты к чему же это?

-- Пошли. Я к тому, что будут, конечно, судить. Могли бы, конечно, простить -- пьяный, деньги украли: обидели человека. Но судить все равно будут -- чтоб другие знали. Важно на этом примере других научить...

-- Да сам же говоришь -- пьяный был!

-- Это теперь не в счет. Его насильно никто не поил, сам напился. А другим это будет поучительно. Ему все равно теперь -- сидеть, а другие задумаются. Иначе вас никогда не перевоспитаешь,

Мать поняла, что этот длинный враждебно настроен к ее сыну, и замолчала. Прокурор матери с первого взгляда понравился -- внимательный. Внимательно выслушал мать, хоть она говорила длинно и путано -- что сын ее, Витька, хороший, добрый, что он трезвый мухи не обидит, что как же ей теперь одной-то оставаться? Что девка, невеста, не дожидается Витьку, что такую девку подберут с руками-ногами -- хорошая девка... Прокурор все внимательно выслушал, поиграл пальцами на столе... заговорил издали, тоже как-то мудрено:

-- Вот ты -- крестьянка, вас, наверно, много в семье росло?..

-- Шестнадцать, батюшка. Четырнадцать выжило, двое маленькие ишо померли. Павел помер, а за ним другого мальчика тоже Павлом назвали...

-- Ну вот -- шестнадцать. В миниатюре -- целое общество. Во главе -- отец. Так?

-- Так, батюшка, так. Отца слушались...

-- Вот! -- Прокурор поймал мать на слове. -- Слушались! А почему? Нашкодил один -- отец его ремнем. А брат или сестра смотрят, как отец учит шкодника, и думают: шкодить им или нет? Так в большом семействе поддерживался порядок. Только так. Прости отец одному, прости другому -- что в семье? Развал, Я понимаю тебя, тебе жалко... Если хочешь, и мне жалко -- там не курорт, и поедет он, судя по всему, не на один сезон. По-человечески все понятно, но есть соображения высшего порядка, там мы бессильны... Судить будут. Сколько дадут, не знаю, это решает суд.

Мать поняла, что и этот невзлюбил ее сына. "За своего обиделись".

-- Батюшка, а выше-то тебя есть кто?

-- Как это? -- не сразу понял прокурор.

-- Ты самый главный али повыше тебя есть?

Прокурор, хоть ему потом и неловко стало, невольно рассмеялся:

-- Есть, мать, есть. Много!

-- Где же они?

-- Ну, где?.. Есть краевые организации... Ты что, ехать туда хочешь? Не советую.

-- Мне подсказали добрые люди: лучше теперь вызволять, пока не сужденый, потом тяжелее будет...

-- Скажи этим добрым людям, что они... не добрые. Это они со стороны добрые... добренькие. Кто это посоветовал?

-- Да посоветовали...

-- Ну, поезжай. Проедешь деньги, и все. Результат будет тот же. Я тебе совершенно официально говорю: будут судить. Нельзя не судить, не имеем права. И никто этот суд не отменит.

У матери больно сжалось сердце... Но она обиделась на прокурора, а оэтому вида не показала, что едва держится, чтоб не грохнуться здесь и не завывать в голос. Ноги ее подкашивались.

-- Разреши мне хоть свиданку с ним...

-- Это можно, -- сразу согласился прокурор. -- У него что, деньги большие были, говорят?

-- Были...

Прокурор написал что-то на листке бумаги, подал матери:

-- Иди в милицию.

Дорогу в милицию мать нашла одна, без длинного -- его уже не было.

Спрашивала людей. Ей показывали. В глазах матери все туманилось и плыло... Она молча плакала, вытирала слезы концом платка, но шла привычно скоро, иногда только спотыкалась о торчащие доски тротуара... Но шла и шла, торопилась. Ей теперь, она понимала, надо поспешать, надо успеть, пока они его не засудили. А то потом выволоть будет трудно. Она верила этому. Она всю жизнь свою только и делала, что справлялась с горем, и все вот так -- на ходу, скоро, вытирая слезы концом платка. Неистребимо жила в ней вера в добрых людей, которые помогут. Эти -- ладно -- эти за своего обиделись, а те

-- подальше которые -- те помогут. Неужели же не помогут? Она все им расскажет -- помогут. Странно, мать ни разу не подумала о сыне, что он совершил преступление, она знала одно: с сыном случилась большая беда. И кто же будет выволоть его из беды, если не мать? Кто? Господи, да она пешком пойдет в эти краевые организации, она будет день и ночь идти и идти... Найдет она этих добрых людей.

-- Ну? -- спросил ее начальник милиции.

-- Велел в краевые организации ехать, -- слукавила мать, -- А вот -- на свиданку. -- Она подала бумажку.

Начальник был несколько удивлен, хоть тоже старался не показать этого. Прочитал записку... Мать заметила, что он несколько удивлен. И подумала: "А-а". Ей стало маленько полегче.

-- Проводи, Мельников.

Мать думала, что идти надо будет далеко, долго, что будут открываться железные двери -- сына она увидит за решеткой, и будет с ним разговаривать снизу, поднимаясь на цыпочки... А сын ее сидел тут же, внизу, в подвале. Там, в коридоре, стриженные мужики играли в домино... Уставились на мать и на милиционера. Витьки среди них не было.

-- Что, мать, -- спросил один мордастый, -- тоже пятнадцать суток схлопотала?

Засмеялись.

Милиционер подвел мать к камере, которых по коридору было три или четыре, открыл дверь...

Витька был один, а камера большая и нары широкие. Он лежал на нарах... Когда вошел милиционер, он не поднялся, но, увидев за ним мать, вскочил.

-- Десять минут на разговоры, -- предупредил длинный, И вышел.

Мать присела на нары, поспешно вытерла слезы платком,

-- Гляди-ка -- под землей, а сухо, тепло, -- сказала она.

Витька молчал, сцепив на коленях руки. Смотрел на дверь. Он осунулся за ночь, оброс -- сразу как-то, как нарочно. На него больно было смотреть. Его мелко трясло, он напрягся, чтоб мать не заметила хоть этой тряски,

-- Деньги-то, видно, украли? -- спросила мать.

-- Украли.

-- Ну и бог бы уж с имя, с деньгами, зачем было драку из-за них затевать? Не они нас наживают -- мы их.

Никому бы ни при каких обстоятельствах не рассказал Витька, как его обокрали, -- стыдно. Две шлюхи... Мучительно стыдно! И еще -- жалко мать. Он знал, что она придет к нему, пробьется через все законы, -- ждал этого и страшился.

У матери в эту минуту было на душе другое: она вдруг совсем перестала понимать, что есть на свете милиция, прокурор, суд, тюрьма... Рядом сидел ее ребенок, виноватый, беспомощный... И кто же может сейчас отнять его у нее, когда она -- только она, никто больше -- нужна ему?

-- Не знаешь, сильно я его?..

-- Да нет, плашмя попало... Но лежит, не поднимается.

-- Экспертизу, конечно, сделали... Бюллетень возьмет... -- Витька

посмотрел на мать. -- Лет семь заделают.

-- Батюшки-святые!.. -- Сердце у матери упало. -- Что же уж так много-то?

-- Семь лет!.. -- Витька вскочил с нар, заходил по камере. -- Все прахом! Все, вся жизнь кувырком!

Мать мудрым сердцем своим поняла, какое отчаяние гнетет душу ее ребенка...

-- Тебя как вроде уж осудили! -- сказала она с укором, -- Сразу уж -- жизнь кувырком.

-- А чего тут ждать? Все известно...

-- Гляди-ка, все уж известно! Ты бы хоть сперва спросил: где я была, чего достигла?..

-- Где была? -- Витька остановился.

-- У прокурора была...

-- Ну? И он что?

-- Да вот и спроси сперва: чего он? А то сразу -- кувырком! Какие-то слабые вы... Ишо ничем ничего, а уж... мысли бог знает какие.

-- А чего прокурор-то?

-- А то... Пусть, говорит, пока не переживает, пусть всякие мысли выкинет из головы... Мы, дескать, сами тут сделать ничего не можем, потому что не имеем права, а ты, мол, не теряй время, а садись и езжай в краевые организации. Нам, мол, оттуда прикажут, мы волей-неволей его отпустим, Тада, говорит, нам и перед своими совестно не будет: хотели, мол, осудить, но не могли. Они уж все обдумали тут. Мне, говорит, самому его жалко... Но мы, говорит, люди маленькие. Езжай, мол, в краевые организации, там все обскажи подробно... У тебя сколь денег-то было?

-- Полторы сотни.

-- Батюшки-святые! Нагрели руки...

В дверь заглянул длинный милиционер:

-- Кончайте.

-- Счас, счас, -- заторопилась мать. -- Мы уж все обговорили... Счас я, значит, доеду до дому, Мишка Бычков напишет на тебя карахтеристику... Хорошую, говорит, напишу.

-- Там... это... у меня в чемодане грамоты всякие лежат со службы... возьми на всякий случай...

-- Какие грамоты?

-- Ну, там увидишь. Может, поможет.

-- Возьму. Потом схожу в контору -- тоже возьму карахтеристику... С голыми руками не поеду. Может, холст-то продать уж, у меня Сергеевна хотела взять?

-- Зачем?

-- Да взять бы деньжонок-то с собой -- может, кого задобрить придется?

-- Не надо, хуже только наделаешь.

-- Ну, погляжу там.

В дверь опять заглянул милиционер:

-- Время.

-- Пошла, пошла, -- опять заторопилась мать. А когда дверь закрылась, вынула из-за пазухи печенюжку и яйцо. -- На-ка поешь... Да шибко-то не задумывайся -- не кувырком ишо. Помогут добрые люди. Большие-то начальники -- они лучше, не боятся. Эти боятся, а тем некого бояться -- сами себе хозяева. А дойти до них я дойду. А ты скрепись и думай про чего-нибудь -- про Верку хоть... Верка-то шибко закручинилась тоже. Даве забежала, а она уж слыхала...

-- Ну?

-- Горюет.

У Витьки в груди не потеплело оттого, что невеста горюет. Как-то так, не потеплело.

-- А ишо вот чего... -- Мать зашептала: -- Возьми да в уме помолись.

Ничего, ты -- крещеный. Со всех сторон будем заходить. А я пораньше из дому-то выеду -- до поезда -- да забегу свечечку Николе-угоднику поставлю, попрошу тоже его. Ничего,

смилоставятся. Похоронку от отца возьму...

-- Ты братьям-то... это... пока уж не сообщай.

-- Не буду, не буду. Только лишний раз душу растревожат. Ты, главное, не задумывайся, что все теперь кувыркком. А если уж дадут, так год какой-нибудь -- для отвода глаз. Не семь же лет! А кому год дают, смотришь -- они через полгода выходят, Хорошо там поработают, их раньше выпускают. А может, и года не дадут. Милиционер вошел в камеру и больше уже не выходил.

-- Время, время...

-- Пошла. -- Мать встала с нар, повернулась спиной к милиционеру, мелко перекрестила сына и одними губами прошептала:

-- Спаси тебя Христос.

И вышла из камеры... И шла по коридору, и опять ничего не видела от слез. Жалко сына Витьку, ох, жалко. Когда они хворают, дети, тоже очень их жалко, но тут какая-то особая жалость - - когда вот так, тут -- просишь людей, чтоб помогли, а они отворачиваются, в глаза не смотрят. И временами жутко становится... Но мать -- действовала, Мыслями она была уже в деревне, прикидывала, кого ей надо успеть охватить до отъезда, какие бумаги взять. И та неистребимая вера, что добрые люди помогут ей, вела ее и вела, мать нигде не мешкала, не останавливалась, чтоб наплакаться вволю, тоже прийти в отчаяние, -- это гибель, она знала. Она -- действовала.

Часу в третьем пополудни мать выехала опять из деревни -- в краевые организации. "Господи, помоги, батюшка, -- твердила она в уме беспрерывно. -- Не допусти сына до худых мыслей, образумь его. Он маленько заполошный -- как бы не сделал чего над собой".

Поздно вечером она села в поезд и поехала.

"Ничего, добрые люди помогут".

Она верила, помогут.

Олег Митяев

*Почти у каждого из нас бывает драма,
Она, казалось бы, решается легко:
Одна в осеннем городе скучает мама,
И этот город расположен далеко.*

*И мы сначала ничего не замечаем,
И дни разлуки складываются в года...
Мы обещаем написать и забываем,
И наши мамы нас прощают, как всегда*

К.Кабанец.

К родителям любовь не рвется в клочья,
Нельзя сказать, что любишь больше мать.
Для них обоих я все так же дочка.
Пусть иногда не в силах их понять.
Родителей, как жизнь, не выбирают,
Они нам всем дарованы судьбой.
Спасибо им за то, что воспитали,
За то, что сердцем рядышком со мной.
Родители, как крылья за спиной,
Не для полета... по Земле идти,

Тот счастлив, кто имеет крыльев двое,
Не растерять бы где-то по пути.
Своим детишкам крылышками станем,
Молить о счастье будем в тишине...
Родители любить нас не устанут
С молитвой засыпают обо мне.
К родителям любовь не рвется в клочья,
Они нужны как воздух оба мне.
У Господа прошу я каждой ночью
Чтоб дольше жили рядом, на Земле.

Выжимки из книги Анатолия Некрасова

«Материнская любовь»

Рассмотрим подробнее конкретный случай (а он типичен), на примере которого можно проиллюстрировать многое из сказанного. Женщина вышла замуж по любви, в положенное время родила сына, с которым не было проблем ни во время беременности, ни при родах, ни в последующем. Как и любая мать, она уделяла сыну необходимое внимание и, как большинство матерей, даже больше нужного.

А где эта грань? Её определить сложно, тем более девочкам и девушкам не объясняют их главные задачи, не учат любить мужей, не говорят о том, что это исключительно важно. Как правило, молодые мамы берут пример со своих родителей и повторяют жизнь в ещё более худшем варианте, накручивая семейные проблемы из поколения в поколение.

В результате получилась типичная ситуация — любовь к ребёнку оказалась большей, чем к

мужу. Заметного ухудшения отношений в семье не наблюдалось, всё было вроде бы нормально. Но эта «нормальность» на самом деле таила в себе большие опасности.

Никто и нигде не учит тому, что семья создаётся не только для продолжения рода, а в основном для раскрытия личности, для духовного роста человека. Поэтому считается, что если в семье всё «нормально»: муж не пьёт, не гуляет, деньги домой приносит, то это хорошая семья, а если они ещё и любовь сохранили — то вообще, отлично! А ведь в настоящей семье должен происходить непрерывный духовный рост, увеличение Пространства Любви и счастья! И это постоянно, на протяжении всей жизни. Эволюцию отменить невозможно.

Продолжаем рассказ об этой семье. Рождается второй сын, но так как любви между родителями уже меньше, второй ребёнок оказался болезненным. Мать начинает уделять ему повышенное внимание, отодвигая на вторые планы старшего сына и мужа. Жалость к маленькому, к более слабому, делает своё дело.

Вы скажете: «Но это же естественно! Больному ребёнку нужно больше внимание». Да, **но не в ущерб любви к себе и мужу!** Необходимо уяснить простую истину: если есть дефицит чего-то, то нужно хотя бы распределять правильно! И если ребёнок болеет, то **в первую очередь родителям нужно раскрывать любовь друг к другу! В Пространстве Любви родителей ребёнок быстро выздоровеет.**

Необходимо понять, что ребёнку нужна не столько любовь непосредственно к нему, сколько **любовь между родителями, наличие сильного Пространства Любви в семье.** Чем оно больше, тем естественнее идёт развитие ребёнка — он растёт как дерево, которому достаточно солнца и воды.

Часто можно услышать слова, произносимые с гордостью и с вызовом: «Я всё отдала своим детям! Я им посвятила всю свою жизнь!» Я перевожу подтекст этих слов следующим образом: «Я не смогла раскрыть себя, свою любовь, стать женщиной и поэтому не сотворила счастливую семью. И я выбрала не очень мудрый, но более лёгкий путь — отдать свою любовь детям, чем и создала им проблемы в жизни». Именно так надо понимать ту любовь, которую женщина отдаёт детям. Попробуйте честно посмотреть на свою жизнь — нет ли там подобных примеров?

Избыточное материнское чувство создаёт большой пласт проблем последующим поколениям в плане создания семьи. Только об одном этом можно написать книгу. Именно матери чаще всего вмешиваются (конечно, из благих побуждений!) в процесс становления детей на собственный путь развития и тем самым препятствуют их счастливой жизни.

Женщина, педагог по музыке, попросила объяснить, почему её сыну не везёт в жизни, ему уже за тридцать, а он не может полюбить девушку? Я ей привёл музыкальный образ, который будет понятен многим. Представьте, что играет духовой оркестр: большие трубы, тубы, барабаны, тарелки... В середине этого оркестра стоит Ваш сын. А к оркестру подходит девушка и пытается играть на скрипке мелодию любви. Разве она будет услышана в этом грохоте материнской любви?

МЫСЛИ ВСЛУХ

Януш Корчак. Не жди, что твой ребенок будет таким, как ты или таким, как ты хочешь. Помогите ему стать не тобой, а собой.

Перл Бак. Дети, которых не любят, становятся взрослыми, которые не могут любить.

Цицерон. Любовь к родителям — основа всех добродетелей.

Ш.А. Амонашвили Ребенок становится счастливым, как только ощущает к себе искреннюю и бескорыстную любовь.

Признание в любви

Настоящее уважение проявляется через благодарность. Хочу сказать большое спасибо своим родителям:

1. За то, что изменили свою жизнь ради меня.
2. За то, что не спали по ночам.
3. За то, что воспитали.
4. За то, что всегда рядом.
5. За то, что дали мне жизнь.

ПРОСТРАНСТВО ЛЮБВИ МУЖЧИНЫ И ЖЕНЩИНЫ

ПРИМЕРНЫЕ ТЕМЫ

ЛЮБОВЬ МУЖЧИНЫ И ЖЕНЩИНЫ		
Что важнее: любить или быть любимым?	«У любви тысячи аспектов, и в каждом из них – свой свет, своя печаль, своё счастье и своё благоухание» (К. Г. Паустовский).	Любовь - это радость от возможности позаботиться о любимом.
В чём счастье и драма любви?	«Любовь столь всесильна, что перерождает нас самих...» (Ф.М.Достоевский).	Любовь - творец всего доброго, возвышенного, сильного и светлого.
Всегда ли любовь делает человека счастливым?	«Я люблю, и значит – я живу...» (В. С. Высоцкий)	Любовью жив мир.
Почему жить – значит любить?	«Благословенна да будет любовь, которая сильнее смерти!» (Д.С.Мережковский).	Все начинается с любви...

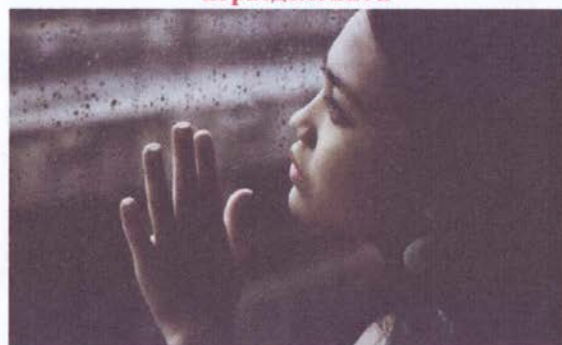
взаимной

У.Шекспир. «Ромео и Джульетта»,
М.А.Булгаков. «Мастер и Маргарита».

мужчины и женщины

пространство любви

неразделённой

А.И.Куприн. «Гранатовый браслет»,
С. Цвейг. «Письмо незнакомки».

ВЗАИМНАЯ ЛЮБОВЬ ДАЁТ КРЫЛЬЯ, БЕЗОТВЕТНАЯ ЗАБИРАЕТ ДУШУ.

ВЗАИМНАЯ ЛЮБОВЬ МУЖЧИНЫ И ЖЕНЩИНЫ

Любовь не купишь по заказу...
Не выберешь на вкус и цвет...
К одним она приходит сразу...
К другим-через десятки лет...

Одна горит... Другая тлеет...
Да, скажем прямо, не тая:
"Любовь стандартов не имеет!"...
Она у каждого своя...

М.А.Булгаков

Роман «Мастер и Маргарита» (Отрывок из главы 13)

«... Она несла в руках отвратительные, тревожные желтые цветы. Черт их знает, как их зовут, но

они первые почему-то появляются в Москве. И эти цветы очень отчетливо выделялись на черном ее весеннем пальто. Она несла желтые цветы! Нехороший цвет. Она повернула с Тверской в переулочек и тут обернулась. Ну, Тверскую вы знаете? По Тверской шли тысячи людей, но я вам ручаюсь, что увидела она меня одного и поглядела не то что тревожно, а даже как будто болезненно. И меня поразила не столько ее красота, сколько необыкновенное, никем не виданное одиночество в глазах!

Повинуясь этому желтому знаку, я тоже свернул в переулочек и пошел по ее следам. Мы шли по кривому, скучному переулочку безмолвно, я по одной стороне, а она по другой. И не было, вообразите, в переулочке ни души. Я мучился, потому что мне показалось, что с нею необходимо говорить, и тревожился, что я не вымолвлю ни одного слова, а она уйдет, и я никогда ее более не увижу...

И, вообразите, внезапно заговорила она:

— Нравятся ли вам мои цветы?

Я отчетливо помню, как прозвучал ее голос, низкий довольно-таки, но со срывами, и, как это ни глупо, показалось, что эхо ударило в переулочке и отразилось от желтой грязной стены. Я быстро перешел на ее сторону и, подходя к ней, ответил:

— Нет.

Она поглядела на меня удивленно, а я вдруг, и совершенно неожиданно, понял, что я всю жизнь любил именно эту женщину! Вот так штука, а? Вы, конечно, скажете, сумасшедший?

— Ничего я не говорю, — воскликнул Иван и добавил: — Умоляю, дальше!

И гость продолжал:

— Да, она поглядела на меня удивленно, а затем, поглядев, спросила так:

— Вы вообще не любите цветов?

В голосе ее была, как мне показалось, враждебность. Я шел с нею рядом, стараясь идти в ногу, и, к удивлению моему, совершенно не чувствовал себя стесненным.

— Нет, я люблю цветы, только не такие, — сказал я.

— А какие?

— Я розы люблю.

Тут я пожалел о том, что это сказал, потому что она виновато улыбнулась и бросила свои цветы в канаву. Растерявшись немного, я все-таки поднял их и подал ей, но она, усмехнувшись, оттолкнула цветы, и я понес их в руках.

Так шли молча некоторое время, пока он не вынула у меня из рук цветы, не бросила их на мостовую, затем продела свою руку в черной перчатке с раструбом в мою, и мы пошли рядом.

— Дальше, — сказал Иван, — и не пропусайте, пожалуйста, ничего.

— Дальше? — переспросил гость, — что же, дальше вы могли бы и сами угадать. — Он вдруг вытер неожиданную слезу правым рукавом и продолжал: — Любовь выскочила перед нами, как из-под земли выскакивает убийца в переулочке, и поразила нас сразу обоих!

Так поражает молния, так поражает финский нож!

Она-то, впрочем, утверждала впоследствии, что это не так, что любили мы, конечно, друг друга давным-давно, не зная друг друга, никогда не видя, и что она жила с другим человеком, и я там тогда... с этой, как ее...

— С кем? — спросил Бездомный.

— С этой... ну... этой, ну... — ответил гость и защелкал пальцами.

— Вы были женаты?

— Ну да, вот же я и щелкаю... на этой... Вареньке, Манечке... нет, Вареньке... еще платье полосатое... музей... впрочем, я не помню.

Так вот она говорила, что с желтыми цветами в руках она вышла в тот день, чтобы я наконец ее нашел, и что если бы этого не произошло, она отравилась бы, потому что жизнь ее пуста.

Да, любовь поразила нас мгновенно. Я это знал в тот же день уже, через час, когда мы оказались, не замечая города, у кремлевской стены на набережной...»

Юлия Друнина

*Ты - рядом, и все прекрасно:
И дождь, и холодный ветер.*

В.Марков, поэт-эмигрант

*Умей любить - любви не требуя взамен,
Давая сердцу только пламенному волю;*

*Спасибо тебе, мой ясный,
За то, что ты есть на свете.*

*Спасибо за эти губы,
Спасибо за руки эти.
Спасибо тебе, мой любимый,
За то, что ты есть на свете.*

*Ты - рядом, а ведь могли бы
Друг друга совсем не встретить.
Единственный мой, спасибо
За то, что ты есть на свете!*

Умей любить, не зная в чувстве перемен,
Со всею сладостною мукою и болью;
Умей любить, но не беря любовью в плен, --
Своих любимых поднимая над юдолью...
Когда, любя, их можешь лишь благодарить,
Тогда воистину - умеешь ты любить!

Эдуард Асадов

Баллада о любви и ненависти

I

Метель ревет, как седой исполин,
Вторые сутки не утихая,
Ревет, как пятьсот самолетных турбин,
И нет ей, проклятой, конца и края!

Пляшет огромным белым костром,
Глушит моторы и гасит фары.
В замяти снежной аэродром,
Служебные здания и ангары.

В прокуренной комнате тусклый свет,
Вторые сутки не спит радист.
Он ловит, он слушает треск и свист,
Все ждут напряженно: жив или нет?

Радист кивает: - Пока еще да,
Но боль ему не дает распрямиться.
А он еще шутит: "Мол, вот беда
Левая плоскость моя никуда!
Скорее всего перелом ключицы..."

Где-то буран, ни огня, ни звезды
Над местом аварии самолета.
Лишь снег заметает обломков следы
Да замерзающего пилота.

Ищут тракторы день и ночь,
Да только впустую. До слез обидно.
Разве найти тут, разве помочь –
Руки в полуметре от фар не видно?

А он понимает, а он и не ждет,
Лежа в ложбинке, что станет гробом.
Трактор если даже придет,

То все равно в двух шагах пройдет
И не заметит его под сугробом.

Сейчас любая зазря операция.
И все-таки жизнь покуда слышна.
Слышна ведь его портативная рация
Чудом каким-то, но спасена.

Встать бы, но боль обжигает бок,
Теплой крови полон сапог,

За сына не бойся. Он едет с нами.
Теперь все заново: жизнь и семья.
Прости. Не ко времени эти слова.
Но больше не будет иного времени. –
Он слушает молча. Горит голова...
И словно бы молот стучит по темени...

- Как жаль, что тебе ничем не поможешь!
Судьба перепутала все пути.
Прощай! Не сердись и прости, если можешь!
За подлость и радость мою прости!

Полгода прошло или полчаса?
Наверно, кончились батареи.
Все дальше, все тише шумы... голоса...
Лишь сердце стучит все сильнее и сильнее!

Оно грохочет и бьет в виски!
Оно полыхает огнем и ядом.
Оно разрывается на куски!
Что больше в нем: ярости или тоски?
Взвешивать поздно, да и не надо!

Обида волной заливаает кровь.
Перед глазами сплошной туман.
Где дружба на свете и где любовь?
Их нету! И ветер как эхо вновь:
Их нету! Все подлость и все обман!
Ему в снегу суждено подышать,
Как псу, коченея под стоны вьюги,
Чтоб два предателя там, на юге,
Со смехом бутылку открыв на досуге,
Могли поминки по нем справлять?!

Они совсем затиранят мальчика
И будут усердствовать до конца,
Чтоб вбить ему в голову имя другого
И вырвать из памяти имя отца!

И все-таки светлая вера дана
Душонке трехлетнего пацана.
Сын слушает гул самолетов и ждет.
А он замерзает, а он не придет!

Сердце грохочет, стучит в виски,
Взведенное, словно курок нагана.
От нежности, ярости и тоски

Она, остывая, смерзается в лед,
Снег набивается в нос и рот.
Что перебито? Понять нельзя.
Но только не двинуться, не шагнуть!
Вот и окончен, видать, твой путь!
А где-то сынишка, жена, друзья...
Где-то комната, свет, тепло...
Не надо об этом! В глазах темнеет...
Снегом, наверно, на метр замело.
Тело сонливо деревенеет...
А в шлемофоне звучат слова:
- Алло! Ты слышишь? Держись, дружище –
Тупо кружится голова...
- Алло! Мужайся! Тебя разыщут!..
Мужайся? Да что он, пацан или трус?!
В каких ведь бывал переделках грозных.
- Спасибо... Вас понял... Пока держусь! –
А про себя добавляет: "Боюсь,
Что будет все, кажется, слишком поздно..."
Совсем чугунная голова.
Кончаются в радиии батареи.
Их хватит еще на час или два.
Как бревна руки... спина немеет...
- Алло!- это, кажется, генерал.-
Держитесь, родной, вас найдут, откопают...-
Странно: слова звенят, как кристалл,
Бьются, стучат, как в броню металл,
А в мозг остывший почти не влетают...
Потом сквозь метельное завыванье:
- Алло! Здесь в рубке твоя жена!
Сейчас ты услышишь ее. Вниманье!
С минуту гуденье тугой волны,
Какие-то шорохи, трески, пiski,
И вдруг далекий голос жены,
До боли знакомый, до жути близкий!
- Не знаю, что делать и что сказать.
Милый, ты сам ведь отлично знаешь,
Что, если даже совсем замерзаешь,
Надо выдержать, устоять!
Хорошая, светлая, дорогая!
Ну как объяснить ей в конце концов,
Что он не нарочно же здесь погибает,
Что боль даже слабо вздохнуть мешает
И правде надо смотреть в лицо.
- Послушай! Синоптики дали ответ:
Буран окончится через сутки.
Продержишься? Да?
- К сожалению, нет...
- Как нет? Да ты не в своем рассудке!
Увы, все глуше звучат слова.

Оно разрывается на куски.
А все-таки рано сдаваться, рано!
Эх, силы! Откуда вас взять, откуда?
Но тут ведь на карту не жизнь, а честь!
Чудо? Вы скажете, нужно чудо?
Так пусть же! Считайте, что чудо есть!
Надо любой ценой подняться
И всем существом, устремясь вперед,
Грудью от мерзлой земли оторваться,
Как самолет, что не хочет сдаваться,
А сбитый, снова идет на взлет!
Боль подступает такая, что кажется,
Замертво рухнешь назад, ничком!
И все-таки он, хрипя, поднимается.
Чудо, как видите, совершается!
Впрочем, о чуде потом, потом...
Швыряет буран ледяную соль,
Но тело горит, будто жарким летом,
Сердце колотится в горле где-то,
Багровая ярость да черная боль!
Вдали сквозь дикую карусель
Глаза мальчишки, что верно ждут,
Они большие, во всю метель,
Они, как компас, его ведут!
- Не выйдет! Неправда, не пропаду! –
Он жив. Он двигается, ползет!
Встает, качается на ходу,
Падает снова и вновь встает...
Чтоб стать вдруг счастливейшим на земле,
Как мало, наверное, необходимо:
Замерзнув вконец, оказаться в тепле,
Где доброе слово да чай на столе,
Спирта глоток да затяжка дыма...
Опять в шлемофоне шуршит тишина.

II

К полудню буран захирел и сдал.
Упал и рассыпался вдруг на части.
Упал, будто срезанный наповал,
Выпустив солнце из белой пасти.
Он сдал, в предчувствии скорой весны,
Оставив после ночной операции
На чахлах кустах клочки седины,
Как белые флаги капитуляции.
Идет на бреющем вертолет,
Ломая безмолвие тишины.
Шестой разворот, седьмой разворот,
Он ищет... ищет... и вот, и вот -
Темная точка средь белизны!
Скорее! От рева земля тряслась.
Скорее! Ну что там: зверь? Человек?

<p>Развязка, вот она - как ни тяжело. Живет еще только одна голова, А тело - остывшая деревяшка. А голос кричит: - Ты слышишь, ты слышишь?! Держись! Часов через пять рассвет. Ведь ты же живешь еще! Ты же дышишь?! Ну есть ли хоть шанс? - К сожалению, нет...</p> <p>Ни звука. Молчанье. Наверно, плачет. Как трудно последний привет послать! И вдруг: - Раз так, я должна сказать! – Голос резкий, нельзя узнать. Странно. Что это может значить? - Поверь, мне горько тебе говорить. Еще вчера я б от страха скрыла. Но раз ты сказал, что тебе не дожить, То лучше, чтоб после себя не корить, Сказать тебе коротко все, что было.</p> <p>Знай же, что я дрянная жена И стою любого худого слова. Я вот уже год тебе не верна И вот уже год, как люблю другого!</p> <p>О, как я страдала, встречая пламя Твоих горячих восточных глаз. – Он молча слушал ее рассказ, Слушал, может, последний раз, Сухую былинку зажав зубами.</p> <p>- Вот так целый год я лгала, скрывала, Но это от страха, а не со зла. - Скажи мне имя!..- Она помолчала, Потом, как ударив, имя сказала, Лучшего друга его назвала!</p> <p>Затем добавила торопливо: - Мы улетаем на днях на юг. Здесь трудно нам было бы жить счастливо. Быть может, все это не так красиво, Но он не совсем уж бесчестный друг. Он просто не смел бы, не мог, как и я, Выдержать, встретясь с твоими глазами.</p>	<p>Точка качнулась, приподнялась И рухнула снова в глубокий снег... Все ближе, все ниже... Довольно! Стоп! Ровно и плавно гудят машины. И первой без лесенки прямо в сугроб Метнулась женщина из кабины!</p> <p>Припала к мужу: - Ты жив, ты жив! Я знала... Все будет так, не иначе!..- И, шею бережно обхватив, Что-то шептала, смеясь и плача.</p> <p>Дрожа, целовала, как в полусне, Замерзшие руки, лицо и губы. А он еле слышно, с трудом, сквозь зубы: - Не смей... ты сама же сказала мне...</p> <p>- Молчи! Не надо! Все бред, все бред! Какой же меркой меня ты мерил? Как мог ты верить?! А впрочем, нет, Какое счастье, что ты поверил!</p> <p>Я знала, я знала характер твой! Все рушилось, гибло... хоть вой, хоть реви! И нужен был шанс, последний, любой! А ненависть может гореть порой Даже сильнее любви!</p> <p>И вот, говорю, а сама трясусь, Играю какого-то подлеца. И все боюсь, что сейчас сорвусь, Что-нибудь выкрикну, разревусь, Не выдержав до конца!</p> <p>Прости же за горечь, любимый мой! Всю жизнь за один, за один твой взгляд, Да я, как дура, пойду за тобой, Хоть к черту! Хоть в пекло! Хоть в самый ад!</p> <p>И были такими глаза ее, Глаза, что любили и тосковали, Таким они светом сейчас сияли, Что он посмотрел в них и понял все!</p> <p>И, полузамерзший, полуживой, Он стал вдруг счастливейшим на планете. Ненависть, как ни сильна порой, Не самая сильная вещь на свете!</p>
--	--

НЕРАЗДЕЛЁННАЯ ЛЮБОВЬ

А.И.Куприн.

Рассказ «Гранатовый браслет»

(фрагменты)

Письмо первое

Она разрежала ножницами ленту и бросила в корзину вместе с бумагой, на которой был написан ее адрес. Под бумагой оказался небольшой ювелирный футляр красного плюша, видимо, только что из магазина. Вера подняла крышечку, подбитую бледно-голубым шелком, и увидела втиснутый в черный бархат овальный золотой браслет, а внутри его бережно сложенную красивым восьмиугольником записку. Она быстро развернула бумажку. Почерк

показался ей знакомым, но, как настоящая женщина, она сейчас же отложила записку в сторону, чтобы посмотреть на браслет.

Он был золотой, низкопробный, очень толстый, но дутый и с наружной стороны весь сплошь покрытый небольшими старинными, плохо отшлифованными гранатами. Но зато посередине браслета возвышались, окружая какой-то странный маленький зеленый камешек, пять прекрасных гранатов-кабошонов, каждый величиной с горошину. Когда Вера случайным движением удачно повернула браслет перед огнем электрической лампочки, то в них, глубоко под их гладкой яйцевидной поверхностью, вдруг загорелись прелестные густо-красные живые огни.

«Точно кровь!» – подумала с неожиданной тревогой Вера.

Потом она вспомнила о письме и развернула его. Она прочитала следующие строки, написанные мелко, великолепно-каллиграфическим почерком:

«Ваше Сиятельство, Глубокоуважаемая Княгиня Вера Николаевна!

Почтительно поздравляя Вас с светлым и радостным днем Вашего Ангела, я осмеливаюсь препроводить Вам мое скромное верноподданническое подношение».

«Ах, это - тот!» - с неудовольствием подумала Вера. Но, однако, дочитала письмо...

«Я бы никогда не позволил себе преподнести Вам что-либо, выбранное мною лично: для этого у меня нет ни права, ни тонкого вкуса и – признаюсь – ни денег. Впрочем, полагаю, что и на всем свете не найдется сокровища, достойного украсить Вас.

Но этот браслет принадлежал еще моей прабабке, а последняя, по времени, его носила моя покойная матушка. Посередине, между большими камнями, Вы увидите один зеленый. Это весьма редкий сорт граната – зеленый гранат. По старинному преданию, сохранившемуся в нашей семье, он имеет свойство сообщать дар предвидения носящим его женщинам и отгоняет от них тяжелые мысли, мужчин же охраняет от насильственной смерти.

Все камни с точностью перенесены сюда со старого серебряного браслета, и Вы можете быть уверены, что до Вас никто еще этого браслета не надевал.

Вы можете сейчас же выбросить эту смешную игрушку или подарить ее кому-нибудь, но я буду счастлив и тем, что к ней прикасались Ваши руки.

Умоляю Вас не гневаться на меня. Я краснею при воспоминании о моей дерзости семь лет тому назад, когда Вам, барышне, я осмеливался писать глупые и дикие письма и даже ожидать ответа на них. Теперь во мне осталось только благоговение, вечное преклонение и рабская преданность. Я умею теперь только желать ежеминутно Вам счастья и радоваться, если Вы счастливы. Я мысленно кланяюсь до земли мебели, на которой Вы сидите, паркету, по которому Вы ходите, деревьям, которые Вы мимоходом трогаете, прислуге, с которой Вы говорите. У меня нет даже зависти ни к людям, ни к вещам.

Еще раз прошу прощения, что обеспокоил Вас длинным, ненужным письмом.

Ваш до смерти и после смерти покорный слуга.

Г.С.Ж.».

Письмо предсмертное

"Я не виноват, Вера Николаевна, что богу было угодно послать, мне, как громадное счастье, любовь к Вам. Случилось так, что меня не интересует в жизни ничто: ни политика, ни наука, ни философия, ни забота о будущем

счастье людей - для меня вся жизнь заключается только в Вас. Я теперь чувствую, что каким-то неудобным клином врезался в Вашу жизнь. Если можете, простите меня за это. Сегодня я уезжаю и никогда не вернусь, и ничто Вам обо мне не напомнит.

Я бесконечно благодарен Вам только за то, что Вы существуете. Я проверял себя - это не болезнь, не маниакальная идея - это любовь, которую богу было угодно за что-то меня вознаградить.

Пусть я был смешон в Ваших глазах и в глазах Вашего брата, Николая Николаевича. Уходя, я в восторге говорю: "Да святится имя Твое".

Восемь лет тому назад я увидел Вас в пирке в ложе, и тогда же в первую секунду я сказал себе: я ее люблю потому, что на свете нет ничего похожего на нее, нет ничего лучше, нет ни зверя, ни растения, ни звезды, ни

человека прекраснее Вас и нежнее. В Вас как будто бы воплотилась вся красота земли...

Подумайте, что мне нужно было делать? Убежать в другой город? Все равно сердце было

всегда около Вас, у Ваших ног, каждое мгновение дня заполнено Вами, мыслью о Вас, мечтами о Вас... сладким бредом. Я очень стыжусь и

мысленно краснею за мой дурацкий браслет, - ну, что же? - ошибка. Воображаю, какое он впечатление произвел на Ваших гостей.

Через десять минут я уеду, я успею только наклеить марку и опустить письмо в почтовый ящик, чтобы не поручать этого никому другому. Вы это письмо сожгите. Я вот сейчас затопил печку и сжигаю все самое дорогое, что

было у меня в жизни: ваш платок, который, я признаюсь, украл. Вы его забыли на стуле на балу в Благородном собрании. Вашу записку, - о, как я ее целовал, - ею Вы запретили мне писать Вам. Программу художественной

выставки, которую Вы однажды держали в руке и потом забыли на стуле при выходе... Кончено. Я все отрезал, но все-таки думаю и даже уверен, что Вы обо мне вспомните. Если Вы обо мне вспомните, то... я знаю, что Вы очень музыкальны, я Вас видел чаще всего на бетховенских квартетах, - так вот, если Вы обо мне вспомните, то сыграйте или прикажите сыграть сонату D-dur, N 2, op. 2.

Я не знаю, как мне кончить письмо. От глубины души благодарю Вас за то, что Вы были моей единственной радостью в жизни, единственным утешением, единой мыслью. Дай бог Вам счастья, и пусть ничто временное и житейское не тревожит Вашу прекрасную душу. Целую Ваши руки.

Г.С.Ж."

С.Цвейг.

Письмо незнакомки (пересказ)

Известный беллетрист Р. после трёхдневной поездки в горы возвращается в Вену и, взглянув на число в газете, вспоминает, что в этот день ему исполняется сорок один год. Просмотрев накопившуюся почту, он откладывает в сторону толстое письмо, написанное незнакомым почерком. Немного погодя, уютно устроившись в кресле и закулив сигару, он распечатывает письмо. Ни на нем, ни на конверте нет имени и адреса отправителя. Письмо начинается словами «Тебе, никогда не знавшему меня», и непонятно, что это — обращение или заголовок. Заинтригованный, Р. погружается в чтение. Незнакомка пишет о том, как она впервые увидела Р. Ей было тринадцать лет, когда Р. поселился в их доме. Дочь бедной вдовы, девочка с восхищением следила за ним, он казался ей воплощением далёкой, прекрасной жизни, недоступной ей. Она часами сидела в прихожей, чтобы увидеть его в глазок, целовала ручку двери, к которой он прикасался. Однажды ей даже удалось побывать у него в квартире: в отсутствие хозяина старый слуга выбивал ковры, и девочка помогла ему втащить их обратно. Но через три года девочке пришлось уехать: мать её вторично вышла замуж, и состоятельный отчим увёз её вместе с девочкой в Инсбрук. Перед отъездом девочка набралась храбрости и позвонила в дверь своего кумира. Но на её звонок никто не вышел: очевидно, Р. не было дома. Она дождалась его возвращения, готовая броситься ему в ноги, но, увы, он вернулся домой не один: с ним была женщина. В Инсбруке девочка прожила два года: от шестнадцати до восемнадцати лет. Ни обеспеченная жизнь, ни заботы родителей, ни внимание поклонников не отвлекли её от мыслей о любимом, и она при первой возможности, отвергнув помощь родных, уехала в Вену и поступила в магазин готового платья. Каждый вечер она шла после работы к дому Р. и часами стояла под его окнами. Когда она однажды столкнулась с ним на улице, он не узнал в ней бывшую соседку. Он никогда не узнавал её. Через два дня он снова встретил её и пригласил поужинать вместе. После ресторана он пригласил девушку к себе, и они провели вместе ночь. На прощание он подарил ей белые розы. Потом он ещё дважды приглашал девушку к себе. Это были самые счастливые мгновения её жизни. Но вот Р. понадобилось уехать. Он снова подарил ей розы и обещал по возвращении сразу известить девушку, но она так и не дождалась от него ни строчки. У неё родился ребёнок, их общий ребёнок. Она ушла с работы, бедствовала, но не хотела просить помощи ни у родных, ни у него: она не хотела связывать его, не хотела вызывать в нем недоверие, не хотела, чтобы он помогал ей только из жалости или из стыда. Незнакомка всю себя отдала ребёнку, а Р. напоминала о себе лишь раз в году: в день его рождения она посылала ему букет белых роз — точно такой, какой он подарил ей после первой ночи их любви. Она так и не знает, понял ли он, кто и почему посылает ему эти цветы, вспомнил

ли ночи, проведённые с ней. Чтобы ребёнок ни в чем не нуждался, незнакомка стала содержанкой, она была очень хороша собой, имела много поклонников. Бывало, что любовники привязывались к ней и хотели жениться, но она в глубине души все ещё надеялась, что Р. когда-нибудь позовёт её, и боялась лишиться возможности откликнуться на его зов. Однажды в ресторане, где незнакомка была с друзьями, Р. увидел её и, не узнав, принял за кокетку. Он позвал её к себе, и она пошла за ним прямо с середины вечера, не думая о том, что обижает человека, с которым пришла, ни с кем не попрощавшись, даже не взяв с вешалки манто, потому что номерок был у её друга. Они снова провели вместе ночь. А утром Р. рассказал, что собирается в путешествие в Африку. Она робко заметила: «Как жаль!» Он сказал, что из путешествий всегда возвращаются. «Возвращаются, но успевают забыть», — возразила она. Она надеялась, что в этот миг он узнает её, но он не узнал. Более того, когда она собралась уходить, он украдкой сунул ей в муфту деньги. Она сделала последнюю попытку: попросила у него одну из белых роз, стоявших в синей вазе. Он с готовностью протянул ей цветок. Он объяснил, что не знает, кто посылает ему цветы, и именно за это он их любит. «Может быть, они тоже от женщины, забытой тобой», — сказала незнакомка, взглядом моля его узнать её. Но он ласково и непонимающе смотрел на неё. Он так и не узнал её. Выбегая из квартиры, она чуть не столкнулась с его старым слугой. Когда она сквозь слезы взглянула на старика, в его глазах вспыхнул какой-то свет: она уверена, что он узнал её, хотя ни разу не видел со времён её детства. Она выхватила из муфты деньги, которые Р. заплатил ей, и сунула их старику. Он испуганно взглянул на неё — и в этот миг узнал о ней больше, чем Р. за всю свою жизнь. Ребёнок незнакомки умер. Чувствуя, что она и сама заболевает, она решила написать Р. письмо и раскрыть тайну своей любви к нему. Он получит это письмо только в том случае, если она умрёт. Она просит его в память о ней раз в год покупать белые розы и ставить их в синюю вазу. Дочитав письмо, Р. долгое время сидит задумавшись. В нем просыпаются смутные воспоминания — о соседской девочке, о встреченной на улице девушке, о женщине в ночном ресторане, но лица её он вспомнить не может. Вдруг взгляд его падает на синюю вазу. Впервые за много лет она пуста в день его рождения. «Он ощутил дыхание смерти и дыхание бессмертной любви; что-то раскрылось в его душе, и он подумал об ушедшей жизни, как о бесплотном видении, как о далёкой страстной музыке».

МУДРЫЕ МЫСЛИ О ЛЮБВИ МУЖЧИНЫ И ЖЕНЩИНЫ

А.П.Чехов. Даже болеть приятно, когда знаешь, что есть люди, которые ждут твоего выздоровления, как праздника.

Шекспир. Любовь всесильна! Нет на земле ни горя - выше кары ее, ни счастья - выше наслаждения служить ей.

Л. Толстой. Любовь - это бесценный дар. Это единственная вещь, которую мы можем подарить, и все же она у тебя остается.

Гегель. Настоящая любовь — это обретение самого себя в отказе от самого себя и в исчезновении себя в другом.

И. Тургенев. Любовь сильнее смерти и страха смерти. Только ею, только любовью держится и движется жизнь.

М.Горький. Любовь – это желание жить.

Ж.Ж.Руссо. Любить глубоко – это значит забыть о себе.

Ж. Лабрюйер. На свете нет зрелища прекраснее, чем лицо любимой, и нет музыки слаще, чем звук любимого голоса.

М. Брэддон. Любовь - это светильник, озаряющий Вселенную; без света любви земля превратилась бы в бесплодную пустыню, а человек - в пригоршню пыли.

ПРОСТРАНСТВО ЛЮБВИ К ОКРУЖАЮЩЕМУ МИРУ

к окружающему миру

Дейзажные зарисовки М.М.Пришвина,
К.Паустовский "Межёрская сторона"

"Счастье - это не события, которые происходят в нашей жизни. Счастье — это то, как мы воспринимаем себя и окружающий мир"

ПРОСТРАНСТВО ЛЮБВИ

"Если профессия становится образом жизни, то ремесло превращается в искусство"

к профессии, делу, творчеству

В.Кочетов. «Журбины», Юлий Крелин "Хирург", Ф. Вигдорова «Мой класс»,
Г. Северина "Легенда об учителе", Ю.Герман "Дорогой мой человек"

ПРИМЕРНЫЕ ТЕМЫ

в форме вопроса	в форме цитаты	в форме повествовательного предложения
	ЛЮБОВЬ К ОКРУЖАЮЩЕМУ МИРУ	
Разве можно не любить Землю?	«Кто не любит природы, тот не любит и человека, тот не гражданин» (Ф.М.Достоевский)	С любовью и болью к родной природе

СОВЕТУЮ ПРОЧИТАТЬ...

Миниатюра М.М.Пришвина

Деревья в снегу.

Снежная пороша. В лесу очень тихо и так тепло, что только вот не тает. Деревья окружены снегом, ели повесили громадные тяжелые лапы, березы склонились, и некоторые даже согнулись макушками до самой земли и стали кружевными арками. Так вот и у деревьев, как у людей: ни одна ёлка не склонится ни под какой тяжестью, разве что сломится, а береза чуть что — и склоняется. Ель царствует со своей верхней мутовкой, а береза плачет.

В лесной снежной тишине фигуры из снега стали так выразительны, что страшно становится: «Отчего, — думаешь, — они ничего не скажут друг другу, разве только меня заметили и стесняются?» И когда полетел снег, то казалось, будто слышишь шепот снежинок, как разговор между странными фигурами.

Евгений Зубов

Великий фокусник - природа!
 Не удовольствуется малым.
 Накроет землю на полгода
 Широким снежным покрывалом.

Движенья вод, прервав морозом,
 Пройдя по царству ледяному,
 Все погрузит своим гипнозом
 В оцепенение и дрему.

Великий фокусник природа,
 Покровы снежные срывая,
 Откроет путь зеленым всходам,
 Разливу рек, цветенью мая.

Земля, как скатерть-самобранка,
 До дней закатных листопада
 По туюскам, лукошкам, банкам
 Свои дары рассыпать рада.

Четыре номера коронных
 Зовутся временами года.
 Я- твой пожизненный поклонник,
 Великий фокусник природа!

Н.В.Гоголь**«Ночь перед Рождеством» (фрагментик)**

Всё светилося. Метели как и не бывало. Снег загорелся широким серебряным полем и весь обсыпался хрустальными звёздами. Мороз как бы потеплел.

И.С.Шмелёв**Глава «Рождество» из романа «Лето Господне» (фрагментик)**

...красота- то какая! Первая звезда, а вон – другая... Звёзд всё больше. А какие звёзды! Усатые, живые, бьются, колют глаз. В воздухе-то мёрзлость, через неё-то звёзды большие, разными огнями блещут,- голубой хрусталь, и синий, и зелёный,- в стрелках... Калитку тронешь,- так и сыплет треском. Мороз! Снег синий, крепкий, попискивает тонко-тонко. По улице – сугробы, горы....А воздух....- синий, серебрится пылью, дымный, звёздный. Сады дымятся. Берёзы – белые видения.....

Виктор Астафьев**Свеча над Енисеем**

(Из книги «Затеси»)

Напротив села, на скале, обкатанной дождями и временем, похожей на запекшийся кулич, чуть ниже гор и отрогов скал, отдаляясь, скорее отскочив от прибрежного леса, растет береза. Я помню ее с детства. Она уже старая, но по росту все девушка — не хватило ни почвы, ни свету, ни размаха дереву.

Эта береза распочинает осень на левом, скалистом берегу Енисея: числа двадцатого — двадцать пятого августа приоткрывается на ней полоска едва видной прожелтины, и быстро-быстро, за несколько дней, от низу до верху вся береза делается будто свечка восковая. Последним пламенем, словно ярким вскриком в оконце лета, заявит она о себе и сразу же отделится от мира, от леса, от реки и всего своего земного окружения.

Стоит деревце одиноко и тихо светится, молитвенно догорает. Только белый ствол, будто кость, с каждым утренником проступает все явственней, все отчетливей от корня до вершинки.

Но вот конец августа, завершение прошлогоднего лета. Вышел я на берег, нашел взглядом деревце, которому так и суждено вековать в девичьем облике. Зеленая стоит березка, разве что чуть приморилась, ужалась в себе.

Быть благодатной осени, извещает. Молчит святая душа березки, которую язык не поворачивается назвать бобылкой. Но ласточки уже улетели, в палисаднике моем со стороны солнца окалиной покрылись листья на черемухе.

Все равно быть осени, быть непогоде, все равно зазимиться и на сей раз за день облететь и погаснуть, но пока стоит, молчит тихая вещунья на голой скале.

Ниже ее в камне пещера таинственно щурится, под нею ключ шевелится, еще ниже Енисей под солнцем сиянием исходит, вроде бы и не шевелится, только дышит холодом, навевает предчувствие неминуемой осени. Свечечка, родная, не зажигайся подольше, не сгорай дотла, пусть дни погожие и ясные дольше постоят, порадуют людей, их, кроме природы, уже некому и нечем радовать.

И останься за нами, красуйся, как и до нас красовалась на утесе. Гори и не гасни над Енисеем, над миром, в храме природы, негасимым желтым огоньком свеча вечности.

«Крохотками» русский писатель Александр Исаевич Солженицын назвал свои маленькие рассказы. Во-первых, в этих рассказах необычно всё! Многие из них совсем коротенькие — меньше одной странички. Во-вторых, удивляют названия некоторых рассказов. Цикл «Крохотки» открывается рассказом «Дыхание», написанным Солженицыным в 1958 году.

Дыхание.

Ночью был дождик, и сейчас переходят по небу тучи, изредка брызнет слегка.

Я стою под яблоней отцветающей — и дышу. Не одна яблоня, но и травы вокруг сочают после дождя — и нет названия тому сладкому духу, который напаивает воздух. Я его втягиваю всеми лёгкими, ощущаю аромат всею грудью, дышу, дышу, то с открытыми глазами, то с закрытыми — не знаю, как лучше.

Вот, пожалуй, та воля — та единственная, но самая дорогая воля, которой лишает нас тюрьма: дышать так, дышать здесь. Никакая еда на земле, никакое вино, ни даже поцелуй женщины не слаще мне этого воздуха, этого воздуха, напоённого цветением, сыростью, свежестью.

Пусть это — только крохотный садик, сжатый звериными клетками пятиэтажных домов. Я перестаю слышать стрельбу мотоциклов, завывание радиол, бубны громкоговорителей. Пока можно ещё дышать после дождя под яблоней — можно ещё и пожить!

Писатель описывает раннее утро, свои ощущения, чувство счастья от того, что имеет возможность вдыхать воздух, “напоённый цветением, сыростью, свежестью”. И пока человек может ещё дышать “после дождя под яблоней – можно ещё и пожить!”. Солженицыну удаётся нарисовать такую картину, потому что он умеет наблюдать, любит и знает природу, понимает, что, возможно, смысл жизни человека заключается именно в умении радоваться каждому мгновению.

Утёнок

Маленький жёлтый утёнок, смешно припадая к мокрой траве беловатым брюшком и чуть не падая с тонких своих ножек, бегаёт передо мной и пищит: «Где моя мама? Где мои все?»

А у него не мама вовсе, а курица: ей подложили утиных яиц, она их высидела между своими, грела равно всех. Сейчас перед непогодой их домик — перевёрнутую корзину без дна — отнесли под навес, накрыли мешковиной. Все там, а этот затерялся. А ну-ка, маленький, иди ко мне в ладони.

И в чём тут держится душа? Не весит нисколько, глазки чёрные — как бусинки, ножки — воробьиные, чуть-чуть его сжать — и нет. А между тем — тёпленький. И клювик его бледно-розовый, как наманикюренный, уже разлапист. И лапки уже перепончатые, и жёлт в свою масть, и крыльца пушистые уже выпирают. И вот даже от братьев отличился характером.

А мы — мы на Венеру скоро полетим. Мы теперь, если все дружно возьмёмся, — за двадцать минут целый мир перепашем.

Но никогда! — никогда, со всем нашим атомным могуществом, мы не составим в колбе, и даже если перья и косточки нам дать, — не смонтируем вот этого невесомого жалкенького жёлтенького утёнка...

Стихотворения в прозе Солженицына различны по настроению. Одни из них наполнены светлыми, оптимистичными чувствами, другие – печальными, пессимистическими; третьи же соединяют в себе одновременно два противоположных настроения: жизнерадостное и драматическое, радостное и грустное. Поэтическое и прозаическое начала тесно переплетаются в каждой миниатюре Солженицына. Это своего рода лирический дневник, и во многом он созвучен рассказам К.Паустовского М. Пришвина. Познание человеком окружающего мира помогает человеку понять истинные ценности и смысл жизни человека.

ПРОСТРАНСТВО ЛЮБВИ К ПРОФЕССИИ

ЛЮБОВЬ К ПРОФЕССИИ

Профессия и призвание... Могут ли они совпадать?	«Когда труд - удовольствие - жизнь хороша! «(А.М.Горький)	Дело всей жизни...
Счастлив ли человек, влюблённый в свою профессию?	«Если ты любишь свое дело, это – не работа, это увлекательнейшее путешествие к мечте...» (Конфуций)	Любовь к своему делу
Какое значение в жизни человека имеет профессия?	Работа, которую мы делаем охотно, исцеляет боли. (У. Шекспир)	Только в труде велик человек
Может ли нелюбимая профессия влиять на судьбу человека?	«Мастер – это человек, с удовольствием делающий то, что не получается у других». (Словарь парадоксальных определений.)	Любимая профессия – источник радости
Почему так важно заниматься любимым делом?	«У каждого из нас есть только одно истинное призвание – это найти путь к себе» (Герман Гессе)	Правильно выбранная профессия – источник счастья
Что лучше: получать много денег или получать много радости от любимой работы?	«Работа, которую мы делаем охотно, исцеляет боли». (Шекспир У.)	Любовь к профессии и к семье – источники счастья человека

СОВЕТУЮ ПРОЧИТАТЬ...

Андрей Платонов

Рассказ «Песчаная учительница»

1

Двадцатилетняя Мария Нарышкина родом из глухого, заброшенного песками городка Астраханской губернии. Это был молодой здоровый человек, похожий на юношу, с сильными мускулами и твердыми ногами.

Всем этим добром Мария Никифоровна была обязана не только родителям, но и тому, что ни война, ни революция ее почти не коснулись. Ее глухая пустынная родина осталась в стороне от маршевых дорог красных и белых армий, а сознание расцвело в эпоху, когда социализм уже затвердел.

Отец-учитель не разъяснял девочке событий, жалея ее детство, боясь нанести глубокие незаживающие рубцы ее некрепкому растущему сердцу.

Мария видела волнующиеся от легчайшего ветра песчаные степи прикаспийского края, караваны верблюдов, уходящих в Персию, загорелых купцов, охрипших от песчаной пудры, и дома в восторженном иступлении читала географические книжки отца. Пустыня была ее родиной, а география — поэзией.

Шестнадцать лет отец свез ее в Астрахань на педагогические курсы, где знали и ценили отца. И Мария Никифоровна стала курсисткой.

Прошло четыре года — самых неопишуемых в жизни человека, когда лопаются почки в молодой груди и распускается женственность, сознание и рождается идея жизни. Странно, что никто никогда не помогает в этом возрасте молодому человеку одолеть мучащие его тревоги; никто не поддержит тонкого ствола, который треплет ветер сомнений и трясет землетрясение роста. Когда-нибудь молодость не будет беззащитной.

Была, конечно, у Марии и любовь, и жажда самоубийства, — эта горькая влага орошает всякую растущую жизнь.

Но все минуло. Настал конец ученья. Собрали девушек в зал, вышел завгубоно и разъяснил нетерпеливым существам великое значение их будущей терпеливой деятельности. Девушки слушали и улыбались, неясно сознавая речь. В их годы человек шумит внутри и внешний мир сильно искажается, потому что на него глядят блестящими глазами.

Марию Никифоровну назначили учительницей в дальний район — село Хошутово, на границе с

мертвой среднеазиатской пустыней.

2

Тоскливое, медленное чувство охватило путешественницу — Марию Никифоровну, когда она очутилась среди безлюдных песков на пути в Хошутово.

В тихий июльский полдень открылся перед нею пустынный ландшафт.

Солнце исходило зноем с высоты жуткого неба, и раскаленные барханы издали казались пылающими кострами, среди которых саваном белела корка солонца. А во время внезапной пустынной бури солнце меркло от густой желтоватой лёссовой пыли и ветер с шипением гнал потоки стонущего песка. Чем сильнее становится ветер, тем гуще дымятся верхушки барханов, воздух наполняется песком и становится непрозрачным. Среди дня, при безоблачном небе, нельзя определить положение солнца, а яркий день кажется мрачной лунной ночью.

Первый раз видела Мария Никифоровна настоящую бурю в глубине пустыни.

К вечеру буря кончилась. Пустыня приняла прежний вид: безбрежное море дымящихся на верхушках барханов, сухое томящее пространство, за которым чудилась влажная, молодая, неутомимая земля, наполненная звоном жизни.

В Хошутово Нарышкина приехала на третий день к вечеру.

Она увидела селение в несколько десятков дворов, каменную земскую школу и редкий кустарник — шелюгу у глубоких колодцев. Колодцы на ее родине были самыми драгоценными сооружениями, из них сочилась жизнь в пустыне, и на устройство их требовалось много труда и ума.

Хошутово было почти совсем занесено песком. На улицах лежали целые сугробы мельчайшего беловатого песка, надутого с плоскогорий Памира. Песок подходил к подоконникам домов, лежал буграми на дворах и точил дыхание людей. Всюду стояли лопаты, и каждый день крестьяне работали, очищая усадьбы от песчаных заносов.

Мария Никифоровна увидела тяжкий и почти ненужный труд, — потому что расчищенные места снова заваливались песком, — молчаливую бедность и смиренное отчаяние. Усталый голодный крестьянин много раз лютовал, дико работал, но силы пустыни его сломили, и он пал духом, ожидая либо чьей-то чудесной помощи, либо переселения на мокрые северные земли.

Мария Никифоровна поселилась в комнате при школе. Сторож-старик, очумевший от молчания и одиночества, обрадовался ей, как вернувшейся дочке, и хлопотал, не жалея здоровья, над устройством ее жилья.

3

Оборудовав кое-как школу, выписав самое необходимое из округа, Мария Никифоровна через два месяца начала ученье.

Ребята ходили неисправно. Придут то пять человек, то все двадцать.

Наступила ранняя зима, такая же злобная в этой пустыне, как лето. Застонали страшные снежные бураны, перемешанные с колким, жалящим песком, захлопали ставни в селе, и люди окончательно замолчали. Крестьяне заскорбели от нищеты.

Ребятам не во что было ни одеться, ни обуться. Часто школа совсем пустовала. Хлеб в селе подходил к концу, и дети на глазах Марии Никифоровны худели и теряли интерес к сказкам.

К Новому году из двадцати учеников двое умерли, и их закопали в песчаные зыбкие могилы.

Крепкая, веселая, мужественная натура Нарышкиной начала теряться и потухать.

Долгие вечера, целые эпохи пустых дней сидела Мария Никифоровна и думала, что ей делать в этом селе, обреченном на вымирание. Было ясно: нельзя учить голодных и больных детей.

Крестьяне на школу глядели равнодушно, она им была не нужна в их положении. Крестьяне пойдут куда угодно за тем, кто им поможет одолеть пески, а школа стояла в стороне от этого местного крестьянского дела.

И Мария Никифоровна догадалась: в школе надо сделать главным предметом обучение борьбе с песками, обучение искусству превращать пустыню в живую землю.

Тогда она созвала крестьян в школу и рассказала им про свое намерение. Крестьяне ей не поверили, но сказали, что дело это славное.

Мария Никифоровна написала большое заявление в окружной отдел народного образования, собрала подписи крестьян и поехала в округ.

В округе к ней отнеслись сочувственно, но кое с чем не согласились. Особого преподавателя по песчаной науке ей не дали, а дали книги и посоветовали самой преподавать песчаное дело. А за

помощью следует обращаться к участковому агроному.

Мария Никифоровна рассмеялась:

— Агроном жил где-то за полтораста верст и никогда не бывал в Хошутове.

Ей улыбнулись и пожали руку в знак конца разговора и прощания.

4

Прошло два года. С большим трудом, к концу первого лета, удалось Марии Никифоровне убедить крестьян устраивать каждый год добровольные общественные работы — месяц весной и месяц осенью.

И уже через год Хошутова было не узнать. Шелюговые посадки защитными полосами зеленели вокруг орошаемых огородов, длинными лентами окружили Хошутово со стороны ветров пустыни и заютили неприветливые усадьбы.

Около школы Мария Никифоровна задумала устроить сосновый питомник, чтобы перейти уже к решительной борьбе с пустыней.

У нее было много друзей в селе, особенно двое — Никита Гавкин и Ермолай Кобозев, — настоящие пророки новой веры в пустыне.

Мария Никифоровна вычитала, что посевы, заключенные меж полосами сосновых насаждений, дают удвоенные и утроенные урожаи, потому что дерево бережет снежную влагу и хранит растение от истощения горячим ветром. Даже шелюговые посадки увеличили намного урожай трав, а сосна — дерево попрочней.

Хошутово извека страдало от недостатка топлива. Топили почти одними смрадными кизяками и коровьими лепешками. Теперь шелюга дала жителям топливо. Крестьяне не имели никакого побочного заработка и страдали от вечного безденежья. Та же шелюга дала жителям прут, из которого они научились делать корзины, ящички, а особо искусные — даже стулья, столы и прочую мебель. Это дало деревне в первую зиму две тысячи рублей приработка.

Поселенцы в Хошутове стали жить спокойнее и сытее, а пустыня помалости зеленела и становилась приветливой.

Школа Марии Никифоровны всегда была полна не только детьми, но и взрослыми, которые слушали чтение учительницы про мудрость жить в песчаной степи.

Мария Никифоровна пополнила, несмотря на заботы, и еще больше заневестилась лицом.

5

На третий год жизни Марии Никифоровны в Хошутове, когда стоял август, когда вся степь выгорела и зеленели только сосновые и шелюговые посадки, случилась беда.

В Хошутове старики знали, что в этом году должны близ села пройти кочевники со своими стадами: через каждые пятнадцать лет они проходили здесь по своему кочевому кольцу в пустыне. Эти пятнадцать лет хошутовская степь паровала, и вот кочевники завершили свой круг и должны явиться здесь снова, чтобы подобрать то, что отдохнувшая степь вымогла из себя.

Но кочевники почему-то запоздали: они должны быть поближе к весне, когда еще была кое-какая растительность.

— Все равно придут, — говорили старики. — Беда будет.

Мария Никифоровна не все понимала и ждала. Степь давно умерла — птицы улетели, черепахи спрятались в норы, мелкие животные ушли на север, к естественным водоемам. 25 августа в Хошутово прибежал колодезник с дальней шелюговой посадки и начал обегать хаты, постукивая в ставни:

— Кочуи? Прискакали!..

Безветренная в этот час степь дымилась на горизонте: то скакали тысячи коней кочевников и топтались их стада.

Через трое суток ничего не осталось ни от шелюги, ни от сосны — все обглодали, вытоптали и истребили кони и стада кочевников. Вода пропала: кочевники ночью пригоняли животных к колодцам села и выбирали воду начисто.

Хошутово замерло, поселенцы лепились друг к другу и молчали.

Мария Никифоровна заметалась от этой первой, настоящей в ее жизни печали и с молодой злобой пошла к вождю кочевников.

Вождь выслушал ее молча и вежливо, потом сказал:

— Травы мало, людей и скота много: нечего делать, барышня. Если в Хошутове будет больше

людей, чем кочевников, они нас прогонят в степь на смерть, и это будет так же справедливо, как сейчас. Мы не злы, и вы не злы, но мало травы. Кто-нибудь умирает и ругается.

— Все равно вы негодай! — сказала Нарышкина. — Мы работали три года, а вы стравили посадки в трое суток... Я буду жаловаться на вас Советской власти, и вас будут судить...

— Степь наша, барышня. Зачем пришли русские? Кто голоден и ест траву родины, тот не преступник.

Мария Никифоровна втайне подумала, что вождь умен, и в ту же ночь уехала в округ с подробным докладом.

В округе ее выслушал завокроно и ответил:

— Знаете что, Мария Никифоровна, пожалуй, теперь в Хошутове обойдутся и без вас.

— Это как же? — изумилась Мария Никифоровна и нечаянно подумала об умном вожде кочевников, не сравнимом с этим начальником.

— А так: население уже обучилось бороться с песками и, когда уйдут кочевники, начнет шелюгу сажать снова. А вы не согласились бы перевестись в Сафуту?

— Что это за Сафута? — спросила Мария Никифоровна.

— Сафута — тоже село, — ответил завокроно, — только там селятся не русские переселенцы, а кочевники, переходящие на оседлость. С каждым годом их становится все больше. В Сафуте пески были задернелые и не действовали, а мы боимся вот чего — пески растопчутся, двинутся на Сафуту, население обеднеет и снова станет кочевать...

— А при чем тут я? — спросила Нарышкина. — Что я вам, укротительница кочевников, что ли?

— Послушайте меня, Мария Никифоровна, — сказал заведующий и встал перед ней. — Если бы вы, Мария Никифоровна, поехали в Сафуту и обучили бы осевших там кочевников культуре песков, тогда Сафута привлекла бы к себе и остальных кочевников, а те, кто уже поселился там, не разбежались бы. Вы понимаете меня теперь, Мария Никифоровна?.. Посадки же русских поселенцев истреблялись бы все реже и реже... Кстати, мы давно не можем найти кандидатку в Сафуту: глушь, даль — все отказываются. Как вы на это смотрите, Мария Никифоровна?..

Мария Никифоровна задумалась:

«Неужели молодость придется похоронить в песчаной пустыне среди диких кочевников и умереть в шелюговом кустарнике, считая это полумертвое деревцо в пустыне лучшим для себя памятником и высшей славой жизни?..»

А где же ее муж и спутник?..

Потом Мария Никифоровна второй раз вспомнила умного спокойного вождя кочевников, сложную и глубокую жизнь племен пустыни, поняла всю безысходную судьбу двух народов, зажатых в барханы песков, и сказала удовлетворенно:

— Ладно. Я согласна... Постараюсь приехать к вам через пятьдесят лет старушкой... Приеду не по песку, а по лесной дороге. Будьте здоровы — дожидайтесь!

Завокроно в удивленье подошел к ней.

— Вы, Мария Никифоровна, могли бы заведовать целым народом, а не школой. Я очень рад, мне жалко как-то вас и почему-то стыдно... Но пустыня — будущий мир, бояться вам нечего, а люди будут благородны, когда в пустыне вырастет дерево... Желаю вам всякого благополучия.

В рассказе раскрываются разные темы, одна из них – верность профессии, самоотверженность учительницы, которая посвящает свою жизнь борьбе с песками. Мария Никифоровна начала обучение в школе, но ребята "ходили неисправно" — "то пять человек, то все двадцать". Зимой нищим крестьянам не во что было ни обути, ни одеть детей. "Часто школа совсем пустовала. Хлеб в селе подходил к концу, и дети... худели и теряли интерес к сказкам. Крепкая, веселая, мужественная натура Нарышкиной начала теряться и потухать". Но сдаваться Мария Никифоровна не собиралась. Она долго думала, что же ей предпринять для спасения этого умирающего села. "Было ясно: нельзя учить голодных и больных детей". Крестьянам школа была не нужна: "Крестьяне пойдут куда угодно за тем, кто им поможет одолеть пески, а школа стояла в стороне от этого местного крестьянского дела". "И Мария Никифоровна догадалась: в школе надо сделать главным предметом обучение борьбе с песками, обучение искусству превращать пустыню в живую землю

В.В.Маяковский. Стихотворение «Кем быть» (фрагмент)

Книгу переводов, Шкловский В. Я., 1928 г.

намотай себе на ус -
все работы хороши,
выбирай
на вкус! (фрагмент)

**Сказка Корнея Чуковского
«Доктор Айболит» (фрагмент)**

Добрый доктор Айболит!
Он под деревом сидит.
Приходи к нему лечиться
И корова, и волчица,
И жучок, и червячок,
И медведица!
Всех излечит, исцелит
Добрый доктор Айболит!

За страницами книги

Принято считать, что прообразом доктора Айболита был образ доктора Дулитла из книги Хью Лофтинга, которая вышла в 1920 году. Корней Чуковский - замечательный переводчик с английского - наверное, читал эту книгу. Но всё же его нельзя назвать просто переводом. Чуковский обогатил сюжет новыми эпизодами и дал герою имя Айболит. А, кроме того, истинным прототипом доброго доктора Айболита был реальный человек Цемах Йоселевич

(Тимофей Осипович) Шабад (1864-1935 гг.), с которым Чуковский познакомился ещё в 1912 году в Вильнюсе. Цемах Шабад был врачом и учёным.

Корней Чуковский написал с него доктора Айболита. В своих воспоминаниях Чуковский писал: «И по утрам, я замечал, выстраивалась к нему целая очередь. Дети не только сами приходили к нему, но и приносили больных животных... Как - то утром пришли к доктору трое плачущих детей. Они принесли ему кошку, у которой язык был проткнут рыболовным крючком. Кошка редела. Её язык был весь в крови. Тимофей Осипович вооружился щипцами, вставил кошке в рот какую - то распорку и очень ловким движением вытащил крючок. Вот я и подумал, как было бы чудно написать сказку про такого доброго доктора. После этого у меня и написалось».

А ещё в центре Вильнюса сейчас стоит памятник, который изображает именно этот эпизод: девочка протягивает ему раненую кошку. Бронзовая фигура доктора Айболита и маленькой девочки с кошкой на руках установлена на родной улице доктора Шабада в Вильнюсе.

Д.Родари

Чем пахнут ремёсла?

У каждого дела
Запах особый:
В булочной пахнет
Тестом и сдобой.
Мимо столярной
Идёшь мастерской,
Стружкой пахнет
И свежей доской.
Пахнет маляр
Скипидаром и краской.
Пахнет стекольщик
Оконной замазкой
Куртка шофёра
Пахнет бензином.
Блуза рабочего -
Маслом машинным

Пахнет кондитер
Орехом мускатным.
Доктор в халате –
Лекарством приятным.
Рыхлой землёю,
Поле и лугом
Пахнет крестьянин,
Идущий за плугом.
Рыбой и морем
Пахнет рыбак.
Только безделье
Не пахнет никак.

Сколько ни душится
Лодырь богатый,
Очень неважно
Он пахнет, ребята!

МУДРЫЕ МЫСЛИ О ЛЮБВИ К ПРОФЕССИИ

С мастерством люди не родятся, но добытым мастерством гордятся. (Пословица)

Люби дело – мастером будешь. (Пословица)

На работу с радостью, а с работы с гордостью. (Пословица)

Илья Ильф и Евгений Петров. Нет профессий с большим будущим, но есть профессионалы с большим будущим.

Максим Горький. Нужно любить то, что делаешь, и тогда труд – даже самый грубый – возвышается до творчества.

Леонардо да Винчи. В природе все мудро продумано и устроено, всяк должен заниматься своим делом, и в этой мудрости — высшая справедливость жизни.

ПРОСТРАНСТВО ЛЮБВИ К ЛЮДЯМ

к себе

(Эгоизм - это первопричина рака души.
Василий Александрович Сухомлинский)

М.Горький. «Старуха Изергиль» (легенда о Ларре).
Л.Н.Толстой. «Война и мир» (Анатоль и Элен Курагины).

ПРОСТРАНСТВО ЛЮБВИ

К ЛЮДЯМ

М.Горький. «Старуха Изергиль» (легенда о Данко),
В.Распутин. «Уроки французского»,
Автобиографическая повесть талантливого хирурга и писателя «Сердце хирурга»,
А.И.Куприн. «Чудесный доктор»,
О.Генри. «Последний лист».

ПРИМЕРНЫЕ ТЕМЫ

ЛЮБОВЬ К ЛЮДЯМ		
в форме вопроса	в форме цитаты	в форме повествовательного предложения
Может ли человек прожить без любви к людям?	" Истинная любовь очищает и возвышает всякого человека, совершенно преобразуя его" (Н.Г. Чернышевский).	Жизнь ради людей -
Делает ли любовь к людям человека счастливым?	«Счастья достигает тот, кто стремится сделать счастливыми других и способен хоть на время забыть о своих интересах, о себе» (Д.С.Лихачев).	Любовь к людям – основа жизни.
Может ли доброта быть лишней?	«Любовь одного человека может вызвать к жизни талант в другом человеке или, по крайней мере, пробудить его к действию» (А. Платонов)	Доброта – источник света и тепла.
Что делать, если живёшь	«Какой мерой ты меришь, такой и тебе	Пути «обогащения»

в жестоком и равнодушном мире?	отмерится» (библейский закон)	человека – в добрых поступках
	«Добро – это прежде всего счастье всех людей» (Д.С.Лихачев)	Единство с человечеством и миром – в сострадании

СОВЕТУЮ ПРОЧИТАТЬ...

ПЕРЕСКАЗ

М.Горький.

Легенда о Данко (Из рассказа «Старуха Изергиль»)

Давным-давно злые враги решили изгнать людей с их родных земель и отправили их жить в дремучие леса. Никто не смел роптать. И только молодой храбрец Данко, мужественный и непокоренный, решил вывести людей из леса. Своей энергией он вдохновил людей и повел их в трудный путь. Вначале люди шли энергично и уверенно. Но силы их иссякали, началась гроза, и в толпе все громче и громче возникал ропот — зачем мы пустились в этот тяжелый путь? В своих бедах они обвинили Данко, который уговорил их отправиться в дорогу. И чтобы не идти дальше, они приняли решение убить смельчака.

Как поступить в этой ситуации? Уговаривать? Убеждать? Упрашивать продолжать идти вперед? Нет. Данко, этот смелый красавец, вырвал из груди свое сердце, поднял его над головой. Он осветил людям путь. И это было так поразительно, что люди пошли за ним. Лес закончился, цель достигнута, вот она, свобода! Но люди тут же забыли о Данко, как будто и не было его заслуги в том, что они обрели долгожданную свободу. -

И.С.Тургенев.

Памяти Ю. П. Вревской (стихотворение в прозе)

На грязи, на вонючей сырой соломе, под навесом ветхого сарая, на скорую руку превращенного в походный военный госпиталь, в разоренной болгарской деревушке – с лишком две недели умирала она от тифа.

Она была в беспомощности – и ни один врач даже не взглянул на нее; больные солдаты, за которыми она ухаживала, пока еще могла держаться на ногах, поочередно поднимались с своих зараженных логовищ, чтобы поднести к ее запекшимся губам несколько капель воды в черепке разбитого горшка.

Она была молода, красива; высший свет ее знал; об ней осведомлялись даже сановники. Дамы ей завидовали, мужчины за ней волочились... два-три человека тайно и глубоко любили ее. Жизнь ей улыбалась; но бывают улыбки хуже слез.

Нежное кроткое сердце... и такая сила, такая жажда жертвы! Помогать нуждающимся в помощи... она не ведала другого счастья... не ведала – и не изведала. Всякое другое счастье прошло мимо. Но она с этим давно помирилась – и вся, пылая огнем неугасимой веры, отдалась на служение ближним.

Какие заветные клады схоронила она там, в глубине души, в самом ее тайнике, никто не знал никогда – а теперь, конечно, не узнает.

Да и к чему? Жертва принесена... дело сделано.

Но горестно думать, что никто не сказал спасибо даже ее труп – хоть она сама и стыдилась и чуждалась всякого спасибо.

Пусть же не оскорбится ее милая тень этим поздним цветком, который я осмеливаюсь возложить на ее могилу!

Сентябрь, 1878

Под пулями Вревская помогала раненым, жила в крошечной комнатке без стола и стульев. Умывалась снегом, потому что воды не хватало. С утра до ночи перевязки и операции. 17 января 1878 года Юлия заболела тифом и 5 февраля умерла. Хоронили ее солдаты, за которыми она ухаживала. Спустя много лет в г. Бяла, неподалеку от башни с часами, где до 1907 г. находилась могила баронессы, был воздвигнут памятник сестре милосердия Ю.Вревской.

Д.С.Лихачев.

Письма о добром и прекрасном

Письмо сорок шестое ПУТЯМИ ДОБРОТЫ

Вот и последнее письмо. Писем могло бы быть и больше, но пора подвести итоги. Мне жаль прекращать писать. Читатель заметил, как постепенно усложнялись темы писем. Мы шли с читателем, поднимаясь по лестнице. Иначе и быть не могло: зачем тогда и писать, если оставаться на том же уровне, не восходя постепенно по ступеням опыта – опыта нравственного и эстетического. Жизнь требует усложнений.

Возможно, у читателя создалось представление об авторе писем как о высокомерном человеке, пытающемся учить всех и всему. Это не совсем так. В письмах я не только «учил», но и учился. Я смог учить именно потому, что одновременно учился: учился у своего опыта, который пытался обобщить. Много мне приходило на ум и по мере того, как я писал. Я не только излагал свой опыт – я и осмыслял свой опыт. Мои письма наставительные, но, наставляя, я наставлялся сам. Мы поднимались с читателем вместе по ступеням опыта, не моего только опыта, но опыта многих людей. Писать письма мне помогали сами читатели – они со мной беседовали неслышно.

Что же самое главное в жизни? Главное может быть в оттенках у каждого свое собственное, неповторимое. Но все же главное должно быть у каждого человека. Жизнь не должна рассыпаться на мелочи, растворяться в каждодневных заботах.

И еще, самое существенное: главное, каким бы оно ни было индивидуальным у каждого человека, должно быть добрым и значительным.

Человек должен уметь не просто подниматься, но подниматься над самим собой, над своими личными повседневными заботами и думать о смысле своей жизни – оглядывать прошлое и заглядывать в будущее.

Если жить только для себя, своими мелкими заботами о собственном благополучии, то от прожитого не останется и следа. Если же жить для других, то другие сэкономят то, чему служил, чему отдавал силы.

Заметил ли читатель, что все дурное и мелкое в жизни быстро забывается. Еще людьми владеет досада на дурного и эгоистичного человека, на сделанное им плохое, но самого человека уже не помнят, он стерся в памяти. Люди, ни о ком не заботящиеся, как бы выпадают из памяти.

люди, служившие другим, служившие по-умному, имевшие в жизни добрую и значительную цель, запоминаются надолго. Помнят их слова, поступки, их облик, их шутки, а иногда чудачества. О них рассказывают. Гораздо реже и, разумеется, с недобрим чувством говорят о злых.

В жизни надо иметь свое служение – служение какому-то делу. Пусть дело это будет маленьким, оно станет большим, если будешь ему верен.

В жизни ценнее всего доброта, и при этом доброта умная, целенаправленная. Умная доброта – самое ценное в человеке, самое к нему располагающее и самое в конечном счете верное по пути к личному счастью.

Счастья достигает тот, кто стремится сделать счастливыми других и способен хоть на время забыть о своих интересах, о себе. Это «неразменный рубль».

Знать это, помнить об этом всегда и следовать путями доброты – очень и очень важно. Поверьте мне!

О. Генри.

Последний лист. Новелла

В небольшом квартале к западу от Вашингтон-сквера улицы перепутались и переломались в короткие полоски, именуемые проездами. Эти проезды образуют странные углы и кривые линии. Одна улица там даже пересекает самое себя раза два. Некому художнику удалось открыть весьма ценное свойство этой улицы. Предположим, сборщик из магазина со счетом за краски, бумагу и холст повстречает там самого себя, идущего восвояси, не получив ни единого цента по счету!

И вот люди искусства набрали на своеобразный квартал Гринич-Виллидж в поисках окон, выходящих на север, кровель XVIII столетия, голландских мансард и дешевой квартирной платы. Затем они перевезли туда с Шестой авеню несколько оловянных кружек и одну-две жаровни и

основали «колонию».

Студия Сью и Джонси помещалась наверху трёхэтажного кирпичного дома. Джонси — уменьшительное от Джоанны. Одна приехала из штата Мэйн, другая из Калифорнии. Они познакомились за табльдотом одного ресторанчика на Восьмой улице и нашли, что их взгляды на искусство, цикорный салат и модные рукава вполне совпадают. В результате и возникла общая студия.

Это было в мае. В ноябре неприветливый чужак, которого доктора именуют Пневмонией, незримо разгуливал по колонии, касаясь то одного, то другого своими ледяными пальцами. По Восточной стороне этот душегуб шагал смело, поражая десятки жертв, но здесь, в лабиринте узких, поросших мохом переулков, он плелся нога за ногу.

Господина Пневмонию никак нельзя было назвать галантным старым джентльменом. Миниатюрная девушка, малокровная от калифорнийских зефиров, едва ли могла считаться достойным противником для дюжего старого тупицы с красными кулачищами и одышкой. Однако он свалил её с ног, и Джонси лежала неподвижно на крашеной железной кровати, глядя сквозь мелкий переплёт голландского окна на глухую стену соседнего кирпичного дома.

Однажды утром озабоченный доктор одним движением косматых седых бровей вызвал Сью в коридор.

— У нее один шанс... ну, скажем, против десяти, — сказал он, стряхивая ртуть в термометре. — И то, если она сама захочет жить. Вся наша фармакопеея теряет смысл, когда люди начинают действовать в интересах гробовщика. Ваша маленькая барышня решила, что ей уже не поправиться. О чем она думает?

— Ей... ей хотелось написать красками Неаполитанский залив.

— Красками? Чепуха! Нет ли у нее на душе чего-нибудь такого, о чем действительно стоило бы думать, например, мужчины?

— Мужчины? — переспросила Сью, и её голос зазвучал резко, как губная гармоника. — Неужели мужчина стоит... Да нет, доктор, ничего подобного нет.

— Ну, тогда она просто ослабла, — решил доктор. — Я сделаю все, что буду в силах сделать как представитель науки. Но когда мой пациент начинает считать кареты в своей похоронной процессии, я скидываю пятьдесят процентов с целебной силы лекарств. Если вы сумеете добиться, чтобы она хоть раз спросила, какого фасона рукава будут носить этой зимой, я вам ручаюсь, что у нее будет один шанс из пяти, вместо одного из десяти.

После того как доктор ушёл, Сью выбежала в мастерскую и плакала в японскую бумажную салфеточку до тех пор, пока та не размокла окончательно. Потом она храбро вошла в комнату Джонси с чертежной доской, насвистывая рэгтайм.

Джонси лежала, повернувшись лицом к окну, едва заметная под одеялами. Сью перестала насвистывать, думая, что Джонси уснула.

Она пристроила доску и начала рисунок тушью к журнальному рассказу. Для молодых художников путь в Искусство бывает вымощен иллюстрациями к журнальным рассказам, которыми молодые авторы мостят себе путь в Литературу.

Набрасывая для рассказа фигуру ковбоя из Айдахо в элегантных бриджах и с моноклем в глазу, Сью услышала тихий шёпот, повторившийся несколько раз. Она торопливо подошла к кровати. Глаза Джонси были широко открыты. Она смотрела в окно и считала — считала в обратном порядке.

— Двенадцать, — произнесла она, и немного погодя: — одиннадцать, — а потом: — «десять» и «девять», а потом: — «восемь» и «семь» — почти одновременно.

Сью посмотрела в окно. Что там было считать? Был виден только пустой, унылый двор и глухая стена кирпичного дома в двадцати шагах. Старый-старый плющ с узловатым, подгнившим у корней стволом заплёл до половины кирпичную стену. Холодное дыхание осени сорвало листья с лозы, и оголенные скелеты ветвей цеплялись за осыпающиеся кирпичи.

— Что там такое, милая? — спросила Сью.

— Шесть, — едва слышно ответила Джонси. — Теперь они облетают гораздо быстрее. Три дня назад их было почти сто. Голова кружилась считать. А теперь это легко. Вот и ещё один полетел. Теперь осталось только пять.

— Чего пять, милая? Скажи своей Сьюди.

— Листьев. На плюще. Когда упадёт последний лист, я умру. Я это знаю уже три дня. Разве доктор не сказал тебе?

— Первый раз слышу такую глупость! — с великолепным презрением отпарировала Сью. — Какое отношение могут иметь листья на старом плюще к тому, что ты поправишься? А ты ещё так любила этот плющ, гадкая девочка! Не будь глупышкой. Да ведь ещё сегодня доктор говорил мне, что ты скоро выздоровеешь... позволь, как же это он сказал?.. что у тебя десять шансов против одного. А ведь это не меньше, чем у каждого из нас здесь в Нью-Йорке, когда едешь в трамвае или идёшь мимо нового дома. Попробуй съесть немножко бульона и дай твоей Сьюди закончить рисунок, чтобы она могла сбить его редактору и купить вина для своей больной девочки и свиных котлет для себя.

— Вина тебе покупать больше не надо, — отвечала Джонси, пристально глядя в окно. — Вот и ещё один полетел. Нет, бульона я не хочу. Значит, остаётся всего четыре. Я хочу видеть, как упадёт последний лист. Тогда умру и я.

— Джонси, милая, — сказала Сью, наклоняясь над ней, — обещаешь ты мне не открывать глаз и не глядеть в окно, пока я не кончу работать? Я должна сдать иллюстрацию завтра. Мне нужен свет, а то я спустила бы шторы.

— Разве ты не можешь рисовать в другой комнате? — холодно спросила Джонси.

— Мне бы хотелось посидеть с тобой, — сказала Сью. — А кроме того, я не желаю, чтобы ты глядела на эти дурацкие листья.

— Скажи мне, когда кончишь, — закрывая глаза, произнесла Джонси, бледная и неподвижная, как поверженная статуя, — потому что мне хочется видеть, как упадёт последний лист. Я устала ждать. Я устала думать. Мне хочется освободиться от всего, что меня держит, — лететь, лететь все ниже и ниже, как один из этих бедных, усталых листьев.

— Постарайся уснуть, — сказала Сью. — Мне надо позвать Бермана, я хочу писать с него золотоискателя-отшельника. Я самое большее на минутку. Смотри же, не шевелись, пока я не приду.

Старик Берман был художник, который жил в нижнем этаже под их студией. Ему было уже за шестьдесят, и борода, вся в завитках, как у Моисея Микеланджело, спускалась у него с головы сатира на тело гнома. В искусстве Берман был неудачником. Он все собирался написать шедевр, но даже и не начал его. Уже несколько лет он не писал ничего, кроме вывесок, реклам и тому подобной мазни ради куска хлеба. Он зарабатывал кое-что, позируя молодым художникам, которым профессионалы-натурщики оказывались не по карману. Он пил запоем, но все ещё говорил о своем будущем шедевре. А в остальном это был злющий старикашка, который издевался над всякой сентиментальностью и смотрел на себя, как на сторожевого пса, специально приставленного для охраны двух молодых художниц.

Сью застала Бермана, сильно пахнущего можжевельновыми ягодами, в его полутёмной каморке нижнего этажа. В одном углу двадцать пять лет стояло на мольберте нетронутое полотно, готовое принять первые штрихи шедевра. Сью рассказала старику про фантазию Джонси и про свои опасения насчёт того, как бы она, лёгкая и хрупкая, как лист, не улетела от них, когда ослабнет её непрочная связь с миром. Старик Берман, чьи красные глаза очень заметно слезились, раскричался, насмехаясь над такими идиотскими фантазиями.

— Что! — кричал он. — Возможна ли такая глупость — умирать оттого, что листья падают с проклятого плюща! Первый раз слышу. Нет, не желаю позировать для вашего идиота-отшельника. Как вы позволяете ей забивать голову такой чепухой? Ах, бедная маленькая мисс Джонси!

— Она очень больна и слаба, — сказала Сью, — и от лихорадки ей приходят в голову разные болезненные фантазии. Очень хорошо, мистер Берман, — если вы не хотите мне позировать, то и не надо. А я все-таки думаю, что вы противный старик... противный старый болтунишка.

— Вот настоящая женщина! — закричал Берман. — Кто сказал, что я не хочу позировать? Идём. Я иду с вами. Полчаса я говорю, что хочу позировать. Боже мой! Здесь совсем не место болеть такой хорошей девушке, как мисс Джонси. Когда-нибудь я напишу шедевр, и мы все уедем отсюда. Да, да!

Джонси дремала, когда они поднялись наверх. Сью спустила шторы до самого подоконника и сделала Берману знак пройти в другую комнату. Там они подошли к окну и со страхом посмотрели на старый плющ. Потом переглянулись, не говоря ни слова. Шёл холодный, упорный дождь пополам со снегом. Берман в старой синей рубашке уселся в позе золотоискателя-отшельника на перевернутый чайник вместо скалы.

На другое утро Сью, проснувшись после короткого сна, увидела, что Джонси не сводит тусклых, широко раскрытых глаз со спущенной зелёной шторы.

— Подними её, я хочу посмотреть, — шёпотом скомандовала Джонси.

Сью устало повиновалась.

И что же? После проливного дождя и резких порывов ветра, не унимавшихся всю ночь, на кирпичной стене ещё виднелся один лист плюща — последний! Все ещё темно-зеленый у стебелька, но тронутый по зубчатым краям желтизной тления и распада, он храбро держался на ветке в двадцати футах над землёй.

— Это последний, — сказала Джонси. — Я думала, что он непременно упадёт ночью. Я слышала ветер. Он упадет сегодня, тогда умру и я.

— Да бог с тобой! — сказала Сью, склоняясь усталой головой к подушке.

— Подумай хоть обо мне, если не хочешь думать о себе! Что будет со мной?

Но Джонси не отвечала. Душа, готовясь отправиться в таинственный, далёкий путь, становится чуждой всему на свете. Болезненная фантазия завладевала Джонси все сильнее, по мере того как одна за другой рвались все нити, связывавшие её с жизнью и людьми.

День прошёл, и даже в сумерки они видели, что одинокий лист плюща держится на своем стебельке на фоне кирпичной стены. А потом, с наступлением темноты, опять поднялся северный ветер, и дождь непрерывно стучал в окна, скатываясь с низкой голландской кровли.

Как только рассвело, беспощадная Джонси велела снова поднять штору.

Лист плюща все ещё оставался на месте.

Джонси долго лежала, глядя на него. Потом позвала Сью, которая разогревала для неё куриный бульон на газовой горелке.

— Я была скверной девчонкой, Сьюди, — сказала Джонси. — Должно быть, этот последний лист остался на ветке для того, чтобы показать мне, какая я была гадкая. Грешно желать себе смерти. Теперь ты можешь дать мне немного бульона, а потом молока с портвейном... Хотя нет: принеси мне сначала зеркальце, а потом обложи меня подушками, и я буду сидеть и смотреть, как ты стряпаешь.

Часом позже она сказала:

— Сьюди, надеюсь когда-нибудь написать красками Неаполитанский залив.

Днем пришёл доктор, и Сью под каким-то предлогом вышла за ним в прихожую.

— Шансы равные, — сказал доктор, пожимая худенькую, дрожащую руку Сью. — При хорошем уходе вы одержите победу. А теперь я должен навестить ещё одного больного, внизу. Его фамилия Берман. Кажется, он художник. Тоже воспаление лёгких. Он уже старик и очень слаб, а форма болезни тяжёлая. Надежды нет никакой, но сегодня его отправят в больницу, там ему будет покойнее.

На другой день доктор сказал Сью:

— Она вне опасности. Вы победили. Теперь питание и уход — и больше ничего не нужно.

В тот же вечер Сью подошла к кровати, где лежала Джонси, с удовольствием довязывая ярко-синий, совершенно бесполезный шарф, и обняла её одной рукой — вместе с подушкой.

— Мне надо кое-что сказать тебе, белая мышка, — начала она. — Мистер Берман умер сегодня в больнице от воспаления лёгких. Он болел всего только два дня. Утром первого дня швейцар нашёл бедного старика на полу в его комнате. Он был без сознания. Башмаки и вся его одежда промокли насквозь и были холодны, как лёд. Никто не мог понять, куда он выходил в такую ужасную ночь. Потом нашли фонарь, который все ещё горел, лестницу, сдвинутую с места, несколько брошенных кистей и палитру с желтой и зеленой красками. Посмотри в окно, дорогая, на последний лист плюща. Тебя не удивляло, что он не дрожит и не шевелится от ветра? Да, милая, это и есть шедевр Бермана — он написал его в ту ночь, когда слетел последний лист.

МУДРЫЕ МЫСЛИ О ЛЮБВИ К ЛЮДЯМ

Любящих и бог любит. (пословица)

М. Горький. ...самая высокая радость жизни - чувствовать себя нужным и близким людям

И. Стравинский Нет на свете силы более могущественной, чем любовь.

Г. Зукав. Однажды вы поймете, что любовь исцеляет все, и любовь - это все, что есть на свете.

Кен Кэри. Если вы стремитесь разрешить какую-нибудь проблему, делайте это с любовью. Вы поймете, что причина вашей проблемы в недостатке любви, ибо такова причина всех проблем.

И.Ф.Шиллер. Если бы каждый человек любил всех людей, то всякий обладал бы вселенной.

ПРОСТРАНСТВО ЛЮБВИ К СЕБЕ

ПРИМЕРНЫЕ ТЕМЫ

ЛЮБОВЬ К СЕБЕ		
Чем страшен эгоизм?	«Эгоизм - это вата, заложенная в уши, чтобы не слышать людского стога». (Г.Сенкевич, польский писатель)	Эгоизм – смерть души.
Совместимы ли любовь к себе и соблюдение нравственных законов?	«Эгоист сходен с эскимосом: пребывая в вечном холоде одиночества, он всю жизнь ходит в оленьей шкуре своего себялюбия и умирает, так и не узнав силы солнечных лучей любви». (В.Крачковский)	Эгоизм – враг любви.

СОВЕТУЮ ПРОЧИТАТЬ...

М.Горький.

Легенда о Ларре

(Пересказ фрагмента рассказа «Старуха Изергиль»)

Высокомерный Ларра – свободолюбивый сын орла и смертной женщины. Юноша является воплощением бездуховности и гордости. Он желает пользоваться всем и не отдавать ничего взамен. Эгоизм и необузданные желания Ларры побеждают в нём человеческие чувства любви и сострадания.

Ларра, будучи высокомерным и свободолюбивым, убивает дочь одного из старейшин за то, что она его отвергает. *«Я убил ее потому, мне кажется, что она меня оттолкнула... А мне её нужно... Я один... Я не поклонюсь никому в жизни... Ибо первый в ней Я!»* - утверждает он. За это получает изгнание из общества и вечное одиночество, которые порождают в гордом юноше невыразимую тоску и желание умереть. Пытаясь себя убить, сын орла остаётся невредим: земля отстраняется от его ударов. Всё, что осталось от героя,- тень и имя «Отверженный»: *«...он стал уже как тень, и таким будет вечно! Он не ни понимает речи людей, ни их поступков - ничего».*

Судьбу Ларры определил суд человеческий. Суть наказания – отторжение от людей

И.С.Тургенев

Эгоист

(стихотворение в прозе)

В нем было всё нужное для того, чтобы сделаться бичом своей семьи.

Он родился здоровым; родился богатым – и в течение всей своей долгой жизни, оставаясь богатым и здоровым, не совершил ни одного проступка, не впал ни в одну ошибку, не обмолвился и не промахнулся ни разу.

Он был безукоризненно честен!... И, гордый сознанием своей честности, давил ею всех: родных, друзей, знакомых.

Честность была его капиталом... и он брал с него ростовщицьи проценты.

Честность давала ему право быть безжалостным и не делать неуказного добра; и он был безжалостным – и не делал добра... потому что добро по указу – не добро.

Он никогда не заботился ни о ком, кроме собственной – столь примерной! – особы, и искренно возмущался, если и другие так же старательно не заботились о ней!

И в то же время он не считал себя эгоистом – и пуще всего порицал и преследовал эгоистов и эгоизм! Еще бы! Чужой эгоизм мешал его собственному.

Не ведая за собой ни малейшей слабости, он не понимал, не допускал ничьей слабости. Он вообще никого и ничего не понимал, ибо был весь, со всех сторон, снизу и сверху, сзади и спереди, окружен самим собою.

Он даже не понимал: что значит прощать? Самому себе прощать ему не приходилось... С

какой стати стал бы он прощать другим?

Перед судом собственной совести, перед лицом собственного бога – он, это чудо, этот изверг добродетели, возводил очи горе? и твердым и ясным голосом произносил: «Да, я достойный, я нравственный человек!»

Он повторит эти слова на смертном ложе – и ничего не дрогнет даже и тогда в его каменном сердце, в этом сердце без пятнышка и без трещины.

О безобразии самодовольной, непреклонной, дешево доставшейся добродетели, ты едва ли не противней откровенного безобразия порока!

Декабрь, 1878

МУДРЫЕ МЫСЛИ об ЭГОИЗМЕ

И.А.Крылов. «Лягушка и Юпитер».
На свете много мы таких людей найдём,
Которым всё, кроме себя, постыло,
И кои думают, лишь мне бы ладно было,
А там весь свет гори огнём.

Эдуард Асадов.
Ты холодна. Хоть мучься, хоть зови,
До сердца твоего не достучишься.
И лишь когда ты в зеркало глядишься.
Твои глаза теплеют от любви

Эрнест Хемингуэй. Есть вещи и хуже войны: трусость хуже, предательство хуже, эгоизм хуже.

Эгоизм — это когда человек заботится о себе в ущерб, во вред другим, за счет других, когда в конфликтной ситуации «или-или» (столкновения личных интересов и интересов других: или то или другое, третьего не дано) человек делает выбор в свою пользу и во вред другим.

Эгоизм — это когда человек рассматривает себя как цель, а других — только как средство.

ПРОСТРАНСТВО ЛЮБВИ К РОДИНЕ

к малой родине

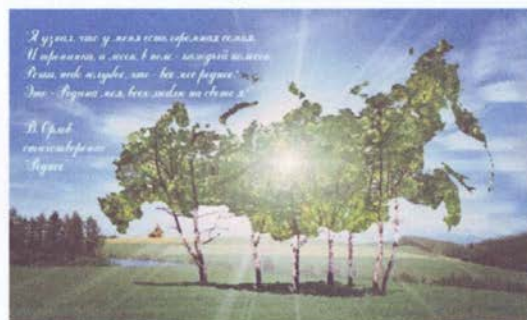

В.Распутин. «Прощание с Матёрой».
С.Есенин. Стихи.
Н.Рубцов. Стихи.
К.Паустовский. «Мещёрская сторона».

Тот, кто не любит свою страну, ничего любить не может.(Д.Байрон)

ПРОСТРАНСТВО ЛЮБВИ

к родине

Л.Н.Толстой. «Севастопольские рассказы».
Б.Васильев. «А зори здесь тихие».
Е.Евтушенко. «Идут белые снеги».

ПРИМЕРНЫЕ ТЕМЫ

ЛЮБОВЬ К РОДИНЕ

Какого человека можно назвать патриотом?	«Человеку нельзя жить без родины, как нельзя жить без сердца» (К.Г. Паустовский).	Малая родина - островок земли большой...
В чем проявляется любовь к Родине?	«Россия без каждого из нас обойтись может, но никто из нас без неё не может обойтись» (И. С. Тургенев).	Размышляя о Родине...
Согласны ли вы с точкой зрения Д.С.Лихачева: «Между патриотизмом и национализмом глубокое различие. В первом – любовь к своей стране, во втором – ненависть ко всем другим»?	«Любовь к своей Родине – это не нечто отвлеченное; это – и любовь к своему городу, к своей местности, к памятникам ее культуры, гордость своей историей». (Д.С.Лихачев)	Надо быть патриотом, а не националистом.
Может ли человек, эмигрировавший из страны, забыть свою Родину?	«Любовь к отеческим гробам, любовь к родному пепелищу...» (А.С.Пушкин)	Родина в сердце каждого.

Можно ли патриота назвать националистом?	«С чего начинается Родина?» (Вениамин Баснер)	Истоки любви к Родине – в детстве
Может ли человек жить без Родины?	«Не будет корней в родной местности, в родной стране – будет много людей, похожих на степное растение перекасти-поле» (Д.С.Лихачев)	

СОВЕТУЮ ПРОЧИТАТЬ...

<p>Н. Полякова</p> <p style="text-align: center;">Родина моя</p> <p>Что значит: Родина моя? Ты спросишь. Я отвечу: Сначала тропочкой земля Бежит тебе навстречу. Потом тебя поманит сад Душистой веткой каждой. Потом увидишь стройный ряд Домов многоэтажных.</p>	<p>Потом пшеничные поля От края и до края. Все это – Родина твоя, Земля твоя родная.</p> <p>Чем старше станешь и сильней, Тем больше пред тобою Она заманчивых путей Доверчиво раскроет.</p>
--	--

К.Паустовский.

Главы из книги «Мещёрская сторона» ОБЫКНОВЕННАЯ ЗЕМЛЯ

В Мещёрском крае нет никаких особенных красот и богатств, кроме лесов, лугов и прозрачного воздуха. Но все же край этот обладает большой притягательной силой. Он очень скромен - так же, как картины Левитана. Но в нем, как и в этих картинах, заключена вся прелесть и все незаметное на первый взгляд разнообразие русской природы.

Что можно увидеть в Мещёрском крае? Цветущие или скошенные луга, сосновые боры, поемные и лесные озера, заросшие черной кугой, стога, пахнувшие сухим и теплым сеном. Сено в стогах держит тепло всю зиму.

Мне приходилось ночевать в стогах в октябре, когда трава на рассвете покрывается инеем, как солью. Я вырывал в сене глубокую нору, залезал в нее и всю ночь спал в стогу, будто в запертой комнате. А над лугами шел холодный дождь и ветер налетал косыми ударами.

В Мещёрском крае можно увидеть сосновые боры, где так торжественно и тихо, что бубенчик-"болтун" заблудившейся коровы слышен далеко, почти за километр. Но такая тишина стоит в лесах только в безветренные дни. В ветер леса шумят великим океанским гулом и вершины сосен гнутся вслед пролетающим облакам.

В Мещёрском крае можно увидеть лесные озера с темной водой, обширные болота, покрытые ольхой и осиной, одинокие, обугленные от старости избы лесников, пески, можжевельник, вереск, косяки журавлей и знакомые нам под всеми широтами звезды.

Что можно услышать в Мещёрском крае, кроме гула сосновых лесов? Крики перепелов и ястребов, свист иволги, суетливый стук дятлов, вой волков, шорох дождей в рыжей хвое, вечерний плач гармоники в деревушке, а по ночам - разноголосое пение петухов да колотушку деревенского сторожа.

Но увидеть и услышать так мало можно только в первые дни. Потом с каждым днем этот край делается все богаче, разнообразнее, милее сердцу. И, наконец, наступает время, когда каждая и на над заглохшей рекой кажется своей, очень знакомой, когда о ней можно рассказывать удивительные истории.

Я нарушил обычай географов. Почти все географические книги начинаются одной и той же фразой: "Край этот лежит между такими-то градусами восточной долготы и северной широты и граничит на юге с такой-то областью, а на севере - с такой-то". Я не буду называть широт и долгот Мещёрского края. Достаточно сказать, что он лежит между Владимиром и Рязанью, недалеко от Москвы, и является одним из немногих уцелевших лесных островов, остатком "великого пояса хвойных лесов". Он тянулся некогда от Полесья до Урала. В него входили леса: Черниговские, Брянские, Калужские, Мещёрские, Мордовские и Керженские. В этих лесах отсиживалась от

татарских набегов древняя Русь.

ЛЕСА

Мещёра - остаток лесного океана. Мещёрские леса величественны, как кафедральные соборы. Даже старый профессор, ничуть не склонный к поэзии, написал в исследовании о Мещёрском крае такие слова: "Здесь в могучих сосновых борах так светло, что на сотни шагов вглубь видно пролетающую птицу".

По сухим сосновым борам идешь, как по глубокому дорогому ковру,- на километры земля покрыта сухим, мягким мхом. В просветах между соснами косыми срезами лежит солнечный свет. Стаи птиц со свистом и легким шумом разлетаются в стороны.

В ветер леса шумят. Гул проходит по вершинам сосен, как волны. Одиноким самолет, плывущий на головокружительной высоте, кажется миноносцем, наблюдаемым со дна моря.

Простым глазом видны мощные воздушные токи. Они поднимаются от земли к небу. Облака тают, стоя на месте. Сухое дыхание лесов и запах можжевельника, должно быть, доносятся и до самолетов.

Кроме сосновых лесов, мачтовых и корабельных, есть леса еловые, березовые и редкие пятна широколиственных лип, вязов и дубов. В дубовых перелесках нет дорог. Они непроезжи и опасны из-за муравьев. В знойный день пройти через дубовую заросль почти невозможно: через минуту все тело, от пяток до головы, покроют рыжие злые муравьи с сильными челюстями. В дубовых зарослях бродят безобидные медведи-муравьятники. Они расковыривают старые пни и слизывают муравьиные яйца.

Леса в Мещёре разбойничьи, глухие. Нет большего отдыха и наслаждения, чем идти весь день по этим лесам, по незнакомым дорогам к какому-нибудь дальнему озеру.

Путь в лесах - это километры тишины, безветрия. Это грибная прель, осторожное перепархивание птиц. Это липкие масляки, облепленные хвоей, жесткая трава, холодные белые грибы, земляника, лиловые колокольчики на полянах, дрожь осиновых листьев, торжественный свет и, наконец, лесные сумерки, когда из мхов тянет сыростью и в траве горят светляки.

Закат тяжело пылает на кронах деревьев, золотит их старинной позолотой. Внизу, у подножия сосен, уже темно и глухо. Бесшумно летают и как будто заглядывают в лицо летучие мыши. Какой-то непонятный звон слышен в лесах - звучание вечера, догоревшего дня.

А вечером блеснет наконец озеро, как черное, косо поставленное зеркало. Ночь уже стоит над ним и смотрит в его темную воду,- ночь, полная звезд. На западе еще тлеет заря, в зарослях волчьих ягод кричит выпь, и на мшарах бормочут и козятся журавли, обеспокоенные дымом костра.

Всю ночь огонь костра то разгорается, то гаснет. Листва берез висит не шелохнувшись. Роса стекает по белым стволам. И слышно, как где-то очень далеко - кажется, за краем земли - хрипло кричит старый петух в избе лесника.

В необыкновенной, никогда не слыханной тишине зарождается рассвет. Небо на востоке зеленеет. Голубым хрусталем загорается на заре Венера. Это лучшее время суток. Еще всё спит. Спит вода, спят кувшинки, спят, уткнувшись носами в коряги, рыбы, спят птицы, и только совы летают около костра медленно и бесшумно, как комья белого пуха.

Котелок сердится и бормочет на огне. Мы почему-то говорим шепотом - боимся спугнуть рассвет. С жестяным свистом проносятся тяжелые утки. Туман начинает клубиться над водой. Мы наваливаем в костер горы сучьев и смотрим, как подымается огромное белое солнце - солнце бесконечного летнего дня.

Так мы живем в палатке на лесных озерах по несколько дней. Наши руки пахнут дымом и брусничкой - этот запах не исчезает неделями. Мы спим по два часа в сутки и почти не знаем усталости. Должно быть, два-три часа сна в лесах стоят многих часов сна в духоте городских домов, в спертom воздухе асфальтовых улиц.

Однажды мы ночевали на Черном озере, в высоких зарослях, около большой кучи старого хвороста.

Мы взяли с собой резиновую надувную лодку и на рассвете выехали на ней за край прибрежных кувшинок - ловить рыбу. На дне озера толстым слоем лежали истлевшие листья, и в воде плавали коряги.

Внезапно у самого борта лодки вынырнула громадная горбатая спина черной рыбы с острым, как кухонный нож, спинным плавником. Рыба нырнула и прошла под резиновой лодкой. Лодка закачалась. Рыба вынырнула снова. Должно быть, это была гигантская щука. Она могла задеть резиновую лодку пером и распороть ее, как бритвой.

Я ударил веслом по воде. Рыба в ответ со страшной силой хлестнула хвостом и снова прошла под самой лодкой. Мы бросили удить и начали грести к берегу, к своему биваку. Рыба все время шла рядом с лодкой.

Мы въехали в прибрежные заросли кувшинок и готовились пристать, но в это время с берега раздалось визгливое тьяканье и дрожащий, хватающий за сердце вой. Там, где мы спускали лодку, на берегу, на примятой траве стояла, поджав хвост, волчица с тремя волчатами и выла, подняв морду к небу. Она выла долго и скучно; волчата визжали и прятались за мать. Черная рыба снова прошла у самого борта и зацепила пером за весло.

Я бросил в волчицу тяжелым свинцовым грузилом. Она отскочила и рысцой побежала от берега. И мы увидели, как она пролезла вместе с волчатами в круглую нору в куче хвороста недалеко от нашей палатки.

Мы высадились, подняли шум, выгнали волчицу из хвороста и перенесли бивак на другое место.

Черное озеро названо так по цвету воды. Вода в нем черная и прозрачная.

В Мещёре почти у всех озер вода разного цвета. Больше всего озер с черной водой. В иных озерах (например, в Черненьком) вода напоминает блестящую тушь. Трудно, не видя, представить себе этот насыщенный, густой цвет. И вместе с тем вода в этом озере, так же как и в Черном, совершенно прозрачная.

Этот цвет особенно хорош осенью, когда на черную воду слетают желтые и красные листья берез и осин. Они устилают воду так густо, что челн шуршит по листве и оставляет за собой блестящую черную дорогу.

Но этот цвет хорош и летом, когда белые лилии лежат на воде, как на необыкновенном стекле. Черная вода обладает великолепным свойством отражения: трудно отличить настоящие берега от отраженных, настоящие заросли - от их отражения в воде.

В Урженском озере вода фиолетовая, в Сегдене - желтоватая, в Великом озере - оловянного цвета, а в озерах за Прой - чуть синеватая. В луговых озерах летом вода прозрачная, а осенью приобретает зеленоватый морской цвет и даже запах морской воды.

Но большинство озер все же - черные. Старики говорят, что чернота вызвана тем, что дно озер устлано толстым слоем опавших листьев. Бурая листва дает темный настой. Но это не совсем верно. Цвет объясняется торфяным дном озер - чем старше торф, тем темнее вода.

Я упомянул о Мещёрских челнах. Они похожи на полинезийские пироги. Они выдолблены из одного куска дерева. Только на носу и на корме они склепаны коваными гвоздями с большими шляпками.

Челн очень узок, легок, поворотлив, на нем можно пройти по самым мелким протокам.

РОДИНА ТАЛАНТОВ

На краю Мещёрских лесов, недалеко от Рязани, лежит село Солотча. Солотча прославлена своим климатом, дюнами, реками и сосновыми борами. В Солотче есть электричество.

Крестьянские кони, согнанные в ночное на луга, дико смотрят на белые звезды электрических фонарей, повисшие в далеком лесу, и всхрапывают от страха.

Я жил первый год в Солотче у кроткой старушки, старой девы и сельской портнихи, Марьи Михайловны. Ее звали вековухой - весь свой век она коротала одна, без мужа, без детей.

В ее чисто умытой игрушечной избе тикало несколько ходиков и висели две старинные картины неизвестного итальянского мастера. Я протер их сырым луком, и итальянское утро, полное солнца и отблесков воды, наполнило тихую избу. Картину оставил отцу Марьи Михайловны в уплату за комнату неизвестный художник-иностранец. Он приезжал в Солотчу изучать тамошнее иконописное мастерство. Он был человек почти нищий и странный. Уезжая, он взял слово, что картина будет ему прислана в Москву в обмен на деньги. Денег художник не прислал - в Москве он внезапно умер.

За стеной избы по ночам шумел соседский сад. В саду стоял дом в два этажа, обнесенный глухим забором. Я забрел в этот дом в поисках комнаты. Со мной говорила красивая седая старуха. Она строго посмотрела на меня синими глазами и комнату сдать отказалась. За ее плечом я

разглядел стены, увешанные картинами.

- Чей это дом? - спросил я вековушу.

- Да как же! Академика Пожалостина, знаменитого гравера. Умер он перед революцией, а старуха - его дочь. Их там две живут старухи. Одна совсем дряхлая, горбатенькая.

Я недоумевал. Гравер Пожалостин - один из лучших русских граверов, работы его разбросаны всюду: у нас, во Франции, в Англии, и вдруг - Солотча! Но вскоре я перестал недоумевать, услышав, как колхозники, копая картошку, заспорили, приедет ли в этом году в Солотчу художник Архипов или нет.

Пожалостин - бывший пастух. Художники Архипов и Малявин, скульптор Голубкина - все из этих, рязанских мест. В Солотче почти нет избы, где не было бы картин. Спросишь: кто писал? Отвечают: дед, или отец, или брат. Солотчинцы были когда-то знаменитыми богомазами. Имя Пожалостина до сих пор произносится с уважением. Он учил солотчан рисовать. Они ходили к нему тайком, неся завернутые в чистую тряпицу свои холсты на оценку - на хвалу или поругание.

Долго я не мог свыкнуться с мыслью, что рядом, за стеной, в темноватых комнатах старого дома, лежат редчайшие книги по искусству и медные гравированные доски. Поздно ночью я выходил к колодцу напиться воды. На срубе лежал иней, ведро обжигало пальцы, ледяные звезды стояли над безмолвным и черным краем, и только в доме Пожалостина тускло светилось окошко: дочь его читала до рассвета. Изредка она, вероятно, поднимала очки на лоб и прислушивалась - стерегла дом.

На следующий год я поселился у Пожалостиных. Я снял у них старую баню в саду. Сад был заглохший, весь в сирени, в одичалом шиповнике, в яблонях и кленах, покрытых лишаями.

На стенах в пожалостинском доме висели прекрасные гравюры - портреты людей прошлого века. Я никак не мог избавиться от их взглядов. Когда я чинил удочки или писал, толпа женщин и мужчин в наглухо застегнутых сюртуках, толпа семидесятых годов, смотрела на меня со стен с глубоким вниманием. Я подымал голову, встречался взглядом с глазами Тургенева или генерала Ермолова, и мне почему-то становилось неловко.

Солотчинская округа - страна талантливых людей. Недалеко от Солотчи родился Есенин.

Однажды ко мне в баню зашла старуха в поневе - принесла продавать сметану.

- Ежели тебе еще сметана потребуется,- сказала она ласково,- так ты приходи ко мне, у меня есть. Спросишь у церкви, где живет Татьяна Есенина. Тебе всякий покажет.

- Есенин Сергей не твой родственник?

- Поет? - спросила бабка.

- Да, поэт.

- Племянничек мой,- вздохнула бабка и вытерла рот концом платка.- Был он поет хороший, только больно чудной. Так ежели сметанка потребуется, ты заходи ко мне, милый.

На одном из лесных озер около Солотчи живет Кузьма Зотов. До революции Кузьма был безответный бедняк. От бедности сохранилась у него привычка говорить вполголоса, незаметно - лучше уж не говорить, а помалкивать. Но от этой же бедности, от "тараканьей жизни" сохранилось у него и упрямое желание во что бы то ни стало сделать своих детей "настоящими людьми".

В избе Зотовых появилось за последние годы много нового - радио, газеты, книги. От старого времени остался только дряхлый пес - никак не хочет умирать.

- Как его ни корми, все равно тощает,- говорит Кузьма.- Такой у него на всю жизнь завод остался бедняцкий. Кто почище одет, тех боится, хоронится под лавку. Думает - господа!

У Кузьмы трое сыновей-комсомольцев. Четвертый сын - еще совсем мальчик, Вася.

Один из сыновей, Миша, заведует опытной ихтиологической станцией на озере Великом, около города Спас-Клепики. Как-то летом Миша привез домой старую скрипку без струн - купил ее у какой-то старухи. Скрипка валялась в старухиной избе, в сундуке,- осталась от помещиков Щербатовых. Скрипка была итальянской работы, и Миша решил зимой, когда на опытной станции будет мало работы, съездить в Москву - показать ее знатокам. Играть на скрипке он не умел.

- Если окажется ценной,- сказал он мне,- подарю кому-нибудь из наших лучших скрипачей.

Второй сын, Ваня,- учитель ботаники и зоологии в большом лесном селе, за сто километров от родного озера. Во время отпуска он помотает матери по хозяйству, а в свободное время бродит по лесам или по озеру по пояс в воде, ищет какие то редкие водоросли. Их он обещал показать своим ученикам, шустрым и страшно любопытным.

Ваня человек застенчивый. От отца к нему перешли незлобивость, расположение к людям, любовь к душевным разговорам.

Вася еще учится в школе. На озере школы нет - там всего четыре избы,- и Васе приходится бегать и школу через лес, за семь километров.

Вася - знаток своих мест. Он знает каждую тропинку в лесу, каждую барсучью нору, оперение каждой птицы. Его серые прищуренные глаза обладают необыкновенной зоркостью.

Два года назад на озеро приехал из Москвы художник. Он взял Васю себе в помощники. Вася перевозил художника на челне на другой берег озера, менял ему воду для красок (художник рисовал французскими акварельными красками Лефранка), подавал из коробки свинцовые тюбики.

Однажды художника с Васей застигла на берегу гроза. Я помню ее. Это была не гроза, а стремительный, предательский ураган. Пыль, розовая от блеска молний, неслась по земле. Леса шумели так, будто океаны прорвали плотины и затапливают Мещёру. Гром встряхивал землю.

Художник с Васей едва добрались до дому. В избе художник обнаружил пропажу жестяной коробки с акварелью. Краски были потеряны, великолепные краски Лефранка! Художник искал их несколько дней, но не нашел и вскоре уехал в Москву.

Через два месяца в Москве художник получил письмо, написанное большими корявыми буквами.

"Здравствуйте,- писал Вася.- Отпишите, что делать с вашими красками и как их вам переслать. Как вы уехали, я их искал две недели, все обшарил, пока нашел, только сильно простыл, потому уже были дожди, заболел и не мог вам раньше отписать. Я чуть не помер, но теперь хожу, хотя еще очень слабый. Так что не сердитесь. Папаня говорил, что было у меня воспаление в легких. Пришлите мне, если есть у вас какая возможность, книжку про всякие деревья и цветных карандашей - охота мне рисовать. У нас уже падал снег, но только стаял, а в лесу под елочкой - смотришь - и сидит заяц! Остаюсь Вася Зотов".

Иван Алексеевич Бунин

У птицы есть гнездо, у зверя есть нора.

Как горько было сердцу молодому,
Когда я уходил с отцовского двора,
Сказать прости родному дому!

У зверя есть нора, у птицы есть гнездо,
Как бьётся сердце, горестно и громко,
Когда вхожу, крестясь, в чужой, наёмный дом
С своей уж ветхою котомкой!

Н.Рубцов

Ось

Как центростремительная сила,
Жизнь меня по всей земле носила!

За морями, полными задора,
Я душою был нетерпелив -
После дива сельского простора
Я открыл немало разных див!

Нахлобучив мичманку на брови,
Шел в театр, в контору, на причал,
Полный свежей юношеской крови,
Вновь, куда хотел, туда и мчал!

Но моя родимая земляца
Надо мной удерживает власть -
Память возвращается, как птица,
В то гнездо, в котором родилась,

И вокруг любви непобедимой
К селам, к соснам, к ягодам Руси
Жизнь моя вращается незримо,
Как Земля вокруг своей оси!

Вскоре после начала Крымской войны молодой поручик Лев Толстой по личной просьбе был переведен в Севастополь, где участвовал в защите осажденного города, проявляя редкое бесстрашие. Был награжден орденом св. Анны «За храбрость» и медалями «За защиту Севастополя». Армейский быт и эпизоды Крымской войны дали писателю обширный материал для творчества. Сначала это были художественные очерки, написанные на фронте, после войны они были обработаны и получили название «Севастопольских рассказов». Сборник состоит из трех рассказов, больше тяготеющих к жанру небольших повестей, описывающих разные

периоды обороны Севастополя. Рассказы, повествующие о храбрости и мужестве русских солдат, рисуящие беспощадно достоверную картину войны, произвели огромное впечатление на русское общество. В них война впервые предстала безобразной кровавой бойней, противной человеческой природе

Л.Н. Толстой.

«Севастопольские рассказы»

Фрагмент рассказа «Севастополь в декабре месяце»

Итак, вы видели защитников Севастополя на самом месте защиты и идете назад, почему-то не обращая никакого внимания на ядра и пули, продолжающие свистать по всей дороге до разрушенного театра, – идете с спокойным, возвысившимся духом. Главное, **отрадное убеждение, которое вы вынесли, – это убеждение в невозможности взять Севастополь, и не только взять Севастополь, но поколебать где бы то ни было силу русского народа, – и эту невозможность видели вы не в этом множестве траверсов, брустверов, хитросплетенных траншей, мин и орудий, одних на других, из которых вы ничего не поняли, но видели ее в глазах, речах, приемах, в том, что называется духом защитников Севастополя. То, что они делают, делают они так просто, так малонапряженно и усиленно, что, вы убеждены, они еще могут сделать во сто раз больше... они все могут сделать.** Вы понимаете, что чувство, которое заставляет работать их, не есть то чувство мелочности, тщеславия, забывчивости, которое испытывали вы сами, но какое-нибудь другое чувство, более властное, которое сделало из них людей, так же спокойно живущих под ядрами, при ста случайностях смерти вместо одной, которой подвержены все люди, и живущих в этих условиях среди непрерывного труда, бдения и грязи. Из-за креста, из-за названия, из угрозы не могут принять люди эти ужасные условия: должна быть другая, высокая побудительная причина. **И эта причина есть чувство, редко проявляющееся, стыдливое в русском, но лежащее в глубине души каждого, – любовь к родине.** Только теперь рассказы о первых временах осады Севастополя, когда в нем не было укреплений, не было войск, не было физической возможности удержать его и все-таки не было ни малейшего сомнения, что он не отдастся неприятелю, – о временах, когда этот герой, достойный древней Греции, – Корнилов, объезжая войска, говорил: «Умрем, ребята, а не отдадим Севастополя», – и наши русские, не способные к фразерству, отвечали: «Умрем! ура!» – только теперь рассказы про эти времена перестали быть для вас прекрасным историческим преданием, но сделались достоверностью, фактом. **Вы ясно поймете, вообразите себе тех людей, которых вы сейчас видели, теми героями, которые в те тяжелые времена не упали, а возвышались духом и с наслаждением готовились к смерти, не за город, а за родину.** Надолго оставит в России великие следы эта эпопея Севастополя, которой героем был народ русский...

Севастополь 1885 года, 25 апреля

Вениамин Баснер

С чего начинается Родина
С картинки в твоём букваре
С хороших и верных товарищей
Живущих в соседнем дворе
А может она начинается
С той песни что пела нам мать
С того что в любых испытаниях
У нас никому не отнять

С чего начинается Родина
С заветной скамьи у ворот
С той самой березки что во поле
Под ветром склоняясь растёт
А может она начинается
С весенней запевки скворца
И с этой дороги проселочной
Которой не видно конца

Евгений Александрович Евтушенко

Идут белые снега,
как по нитке скользят...
Жить и жить бы на свете,
но, наверно, нельзя.
Чьи-то души бесследно,
растворяясь вдали,

ее Пушкина, Стеньку
и ее стариков
Если было несладко,
я не шибко тужил.
Пусть я прожил несладко,
для России я жил.

<p>словно белые снега, идут в небо с земли. Идут белые снега... И я тоже уйду. Не печалюсь о смерти и бессмертья не жду. я не верую в чудо, я не снег, не звезда, и я больше не буду никогда, никогда. И я думаю, грешный, ну, а кем же я был, что я в жизни поспешной больше жизни любил? А любил я Россию всею кровью, хребтом – ее реки в разливе и когда подо льдом, дух ее пятистенков, дух ее сосняков,</p>	<p>И надеждою маюсь, (полный тайных тревог) что хоть малую малость я России помог. Пусть она позабудет, про меня без труда, только пусть она будет, навсегда, навсегда. Идут белые снега, как во все времена, как при Пушкине, Стеньке и как после меня, Идут снега большие, аж до боли светлы, и мои, и чужие заметая следы. Быть бессмертным не в силе, но надежда моя: если будет Россия, значит, буду и я. 1965</p>
---	---

<p>С.Есенин. Гой ты, Русь, моя родная... Гой ты, Русь, моя родная, Хаты — в ризах образа... Не видать конца и края — Только синь сосет глаза. Как захожий богомолец, Я смотрю твои поля. А у низеньких околиц Звонно чахнут тополя.</p>	<p>Пахнет яблоком и медом По церквам твой кроткий Спас. И гудит за корогодом На лугах веселый пляс. Побегу по мятой стежке На приволь зеленых лех, Мне навстречу, как сережки, Прозвенит девичий смех. Если крикнет рать святая: «Кинь ты Русь, живи в раю!» Я скажу: «Не надо рая, Дайте родину мою».</p>
---	--

<p>И.В.Варавва, кубанский поэт <i>Мой друг! Что может быть милей Бесценного родного края? Там солнце кажется светлей, Там радостней весна златая, Прохладной лёгкий ветерок, Душистее цветы, там холмы зеленее, Там сладостней звучит поток,</i></p>	<p><i>Там соловей поёт звучнее, Там всё нас может восхищать, Там всё прекрасно, там всё мило, Там дни, как молнии, летят, Там нет тоски унылой, Там наше счастье живёт, Там только жизнью наслаждаться!</i></p>
---	---

<p>Этой легендой можно завершить сочинение, обыграв её в нескольких словах Однажды ветер решил свалить могучий дуб, который рос на холме. Но дуб только гнулся под ударами ветра. Спросил тогда ветер у величественного дуба: «Почему я не могу победить тебя?». Дуб отвечал, что не ствол его держит. Сила его в том, что он в землю врос, корнями за нее держится. В этой бесхитростной истории выражена мысль о том, что любовь к родине, глубинная связь с национальной историей, с культурным опытом предков делает народ непобедимым</p>	
--	--

МУДРЫЕ МЫСЛИ О ЛЮБВИ К РОДИНЕ

А.Фадеев. Мы любим отечество, это воздух, которым мы дышим.

А.Н.Толстой. Патриотизм — это не значит только одна любовь к своей родине. Это гораздо больше... Это — сознание своей неотъемлемости от родины и неотъемлемое переживание вместе с ней ее счастливых и ее несчастных дней.

Фрэнсис Бэкон. Любовь к родине начинается с семьи.

В. Дворянсков. Родина! Она всегда прекрасна. И в осеннем пламени лесов, и в снежном январском раздолье, и в первых весенних цветах, и в золотом разливе хлебных полей!

А.И. Куприн. Родина - это первая испытанная ласка, первая сознательная мысль, осенившая голову, это запах воздуха деревьев, цветов и полей, первые игры, песни и танцы... Это последовательные впечатления бытия, детства, отрочества, юности, молодости и зрелости.

В. Пекелис. Любовь к Отечеству - это готовность защищать его независимость. Из этого складывается патриотизм - чувство великое, необходимое, прекрасное. Оно вбирает в себя любовь к Родине, преданность ей, стремление своими делами служить её интересам.

Н. Карамзин. Родина мила сердцу не местными красотами, а пленительными воспоминаниями.

Л. Леонов. Ты не один в этой огневой буре русский человек. С вершин истории смотрят на тебя песенный наш Ермак, и мудрый Минин, и русский лев Александр Суворов, и славный, Пушкиным воспетый мастеровой Пётр Первый, и Пересвет с Ослябей, что первыми пали в Куликовском бою. В трудную минуту спроси у них, этих строгих русских людей, что по крохам собирали нашу родину, и они подскажут тебе, как поступить, даже оставшись в одиночку среди вражьего множества. С каким мужеством они служили ей!... И куда бы ни отправлялись за далёкие рубежи, кланялись в пояс родимой, и был им слаще мёду горький, полынный прах её дорог. И пригоршню родной землицы, зашитую в ладанку, уносили на чужбину, как благословенье матери, на груди. И где бы ни оказался вельнем истории русский человек, сердце его, как стрелка компаса, неуклонно бывало устремлено в одном заветном направлении, в сторону России. И чистые рубахи надевали перед смертным подвигом, идя на воинскую страду, как на светлый праздник. Тем и была крепка, тем и стояла столетья русская земля.

М. Шолохов. Милая, светлая Родина! Вся наша безграничная любовь - тебе, все наши помыслы с тобой»

И.С.Тургенев (слова Лежнева, героя романа «Рудин»). «Россия без каждого из нас обойтись может, но никто из нас без нее не может обойтись. Горе тому, кто это думает; двойное горе тому, кто действительно без нее обходится».

ПРОСТРАНСТВО ЛЮБВИ К ДЕНЬГАМ и КАРЬЕРЕ

к деньгам

Кто утверждает, что деньги могут сделать все, вполне вероятно, сам может сделать все ради денег. Бенджамин Франклин

О.Бальзак. «Гобсек», Н.В.Гоголь. "Мёртвые души", Л.Н.Толстой. «Война и мир» (князь Василий).

к карьере

«Чины людьми даются, а люди могут обмануться.» Грибоедов А. Лесть — это лестница карьериста. (Ашот Надания)

А.С.Грибоедов. «Горе от ума» (Молчалин),

Кристина Хуцишвили. «Deviant»,

И.А.Бунин. «Господин из Сан-Франциско».

пространство любви

ПРИМЕРНЫЕ ТЕМЫ

ЛЮБОВЬ К ДЕНЬГАМ или КАРЬЕРЕ

Неужели за деньги можно купить всё?	Ставя себе задачей карьеру или приобретательство, человек испытывает гораздо больше огорчений, чем радостей, и рискует потерять всё (Д.С.Лихачёв)	Взбираясь на вершину Олимпа, трудно остаться человеком
Что такое карьера и как она меняет характер человека?	Бьется человек, выбивается в люди — и давай другими помыкать. (Бернард Шоу)	Служение Отечеству тоже карьера
Взаимосвязаны ли любовь к профессии и стремление к карьерному росту?	Есть люди, которые делают карьеру. И ничего больше. (Вольфганг Эшкер)	

Советую прочитать

ЛЮБОВЬ К КАРЬЕРЕ

<p>Владимир Скворцов Размышления о карьере Карьера звездная Гагарина – Феноменальная проталина Под сводом вечности тугой... Она поныне очень сказочна, Ошеломляюще загадочна, Как взрыв тунгусский над тайгой. Но нам не выбросить из прошлого «карьеры» траурной Матросова,</p>	<p>хоть от нее бросает в дрожь! Дельцам карьера – наслаждение, Но только не самосожжение, В котором лавров не пожнешь. За славу громкую и почести Иной готов пойти на подлости, Чтоб жить потом как сытый кот... Как жалки мыселки, как грошевы! Ведь космонавты все – матросовы! И каждый взлет – рывок на ДОТ</p>
---	--

Аннотация на роман Кристины Хуцишвили «Deviant»

В издательстве «РИПОЛ классик» вышел психологический роман «Deviant» - дебют молодого автора Кристины Хуцишвили. Книга очень быстро вошла в число бестселлеров в сегменте «Художественная литература».

...В погоне за успехом он постоянно откладывал «жизнь» на завтра. Но оказалось, что его мир хрупок, как карточный домик, и судьбы не будет.

Сегодня - ты лидер, завтра – они просто не поздороваются с тобой за руку. Ведь болезнь не входит в число понятий, которые обсуждаются на коктейле по случаю очередной сделки.

Deviant- история блестящих молодых людей. Классическая тема лишнего человека, гордыни и очищения – в современном исполнении и антураже нового капитализма, кризиса финансов и ценностей.

«Deviant» - первая книга молодой журналистки и публициста Кристины Хуцишвили. Главные герои книги – Георгий и Маша - знакомы много лет. Они молоды, красивы, энергичны, обаятельны, умны и перспективны. Они по-настоящему любят друг друга, мечтают о свадьбе и «большеглазых карапузах». Конечно же все это у них будет, сразу после того как они реализуются, достигнут высот карьеры и так далее, и так далее...

Или не будет?

В тот момент, когда герои достигают вершин профессиональной карьеры, и кажется еще чуть-чуть, и можно предаться простому человеческому счастью, жизнь вносит свою правку: Георгий оказывается болен СПИДом. Он уезжает в Нью-Йорк. Сначала, чтобы тихо умереть, не причиняя боли родным, затем, чтобы обрести душевные силы на борьбу и надежду.

Маша остается в Москве и пытается найти себя в творчестве. Она тележурналист, который видит много интересных успешных людей, разными способами достигших успеха.

Герои живут параллельно в разных городах, но продолжают стремиться друг к другу.

Создается контраст между деловым повествованием о законах бизнеса и глубоко личными описаниями взаимоотношений героев. Особую пронзительность им придает форма повествования: переписка, все письма которой за исключением одного, никогда не дойдут до адресата.

Любовная линия проходит сквозь годы жизни героев на фоне поисков себя и своего места в мире, затронут мировой кризис, звучит классическая тема «лишнего человека».

«Deviant» написан языком деловой молодежи, которая с легкостью оперирует экономическими терминами и английскими словами, но лишен едкого цинизма, поэтому роман – универсален, его будет интересно читать и девушкам, и молодым людям.

Всего за две недели продаж «Deviant» занял четвертое место в рейтинге художественной литературы магазина «Библио-Глобус».

Д.С.Лихачёв.

«Письма о добром и прекрасном»

Письмо одиннадцатое

ПРО КАРЬЕРИЗМ

Человек с первого дня своего рождения развивается. Он устремлен в будущее. Он учится, научается ставить себе новые задачи, даже не понимая этого. И как быстро он овладевает своим положением в жизни. Уже и ложку умеет держать, и первые слова произносить.

Потом отроком и юношей он тоже учится.

И уже приходит время применять свои знания, достичь того, к чему стремился. Зрелость. Надо жить настоящим...

Но разгон сохраняется, и вот вместо учения наступает для многих время овладения положением в жизни. Движение идет по инерции. Человек все время устремлен к будущему, а будущее уже не в реальных знаниях, не в овладении мастерством, а в устройстве себя в выгодном положении. Содержание, подлинное содержание утрачено. Настоящее время не наступает, все еще остается пустая устремленность в будущее. Это и есть карьеризм. Внутреннее беспокойство, делающее человека несчастным лично и нестерпимым для окружающих.

Мудрые мысли о деньгах

Бенджамин Франклин. Кто утверждает, что деньги могут сделать все, вполне вероятно, сам может сделать все ради денег.

Фрэнсис Бэкон. Богатство очень хорошо, когда оно служит нам, и очень плохо – когда повелевает нами.

Уильям Биллингс. За деньги можно, конечно, купить очаровательного пса, но никакие деньги не заставят его радостно вилять хвостом.

Вальтер Скотт. Золото убило больше душ, чем железо – тел.

Ремарк. Деньги портят характер.

Сенека. Деньгами надо управлять, а не служить им.

ОБРАЗЦЫ СОЧИНЕНИЙ

«ЛЮБОВЬЮ ДОРОЖИТЬ УМЕЙТЕ»

Думаю, скажу банальность: без любви нет жизни. Это бесспорно. Однако не каждый из нас это чувство бережёт, старается сохранить его, оказать знаки внимания любимому человеку, чтобы тот понял: его действительно любят. Особенно это касается любви к родителям, которым мы порой забываем сказать простое слово – «спасибо». Уверена, **родители заслуживают нашей бесконечной любви, которая должна проявляться в заботе, внимании, общении, а иначе их одиночество и обида перейдут по наследству к нам, их детям...**¹ В правильности такой точки зрения меня убеждает художественная литература. (82 слов)

Обратимся к рассказу Константина Георгиевича Паустовского «Телеграмма». Это произведение о сложных взаимоотношениях близких людей - Катерины Петровны и дочери Насти, забывшей о матери. От старости, а скорее всего, от одиночества умирает главная героиня. Что стоит за этой трагедией? Равнодушие дочери, разобщённость близких людей, неумение и нежелание заботиться о самом дорогом человеке на свете – о родной матери?.. Читая рассказ, мы находим ответы на эти вопросы, погружаясь в атмосферу боли и тоски, безысходности и одиночества, которая создается автором описанием природы и воспоминаниями Катерины Ивановны. Она живёт прошлым: у неё нет настоящего, и, увы, нет будущего. Вчитайтесь в текст: «Над лугами тащились из-за реки (именно тащились, а не плыли), цепляясь за облетевшие ветлы, рыхлые тучи... Из них назойливо сыпался дождь». Всё вокруг серо, как и сама жизнь Катерины Петровны. Описание природы и интерьера комнаты пожилой женщины (горький запах нетопленных печей, пожелтевшие чашки, давно не чищенный самовар) помогает нам почувствовать одиночество главной героини. Особое внимание привлекает письмо Катерины Петровны своей дочери. «Ненаглядная моя... - обращается она к Насте. - Зимы я не переживу. Приезжай хоть на день. Дай поглядеть на тебя, поддержать твои руки». В этом письме мы слышим боль, отчаяние, тоску, желание ласки и понимания... А что же Настя? Откликается ли она на просьбу матери? Слышит ли она в нём отчаянную мольбу о последней встрече? К сожалению, нет... Её равнодушие по отношению к родному человеку потрясает нас. Не случайно же автор обращает внимание читателя на «большие холодные глаза» Насти: глаза – зеркало души, а душа у девушки пустая и такая же холодная, как и её глаза...И только после смерти матери дочь, проплакав всю ночь, понимает, что никто и никогда не снимет «с неё непоправимой вины, невыносимой тяжести», никто и никогда не будет любить её так, как любила мама. (284 слов)

«Любовью дорожить умеете...» - призывает нас русский поэт Степан Щипачев. Дорожить! Понимаем ли мы, что эти слова не только о любви между женщиной и мужчиной? Уверена, это наставление нам, детям: надо помнить о родителях, надо совершать добрые дела, пока они живы, пока они могут нас понять и простить. Нельзя в суете жизни забывать о главном, нельзя терять самое дорогое – любовь к родным. За добро надо платить добром! Самые близкие люди, к сожалению, не всегда будут с нами, поэтому надо успеть сказать им «спасибо»... (83 слова)

Всего: 449 слова

¹ Выделен тезис.

ЛЮБОВЬ К ПРОФЕССИИ И К СЕМЬЕ – ИСТОЧНИК СЧАСТЬЯ ЧЕЛОВЕКА

Когда-то в одной телевизионной программе Юрий Никулин, известный артист, на вопрос, что такое счастье, ответил: «Счастье – это когда с радостью идёшь на работу и с радостью возвращаешься домой». Правда, удивительно точная формула счастья?(33 слова)

На мой взгляд, человек тогда по-настоящему счастлив, когда любит свою профессию, в которой он состоялся, и когда дома его ждут любимые люди². Правильность такой точки зрения могу доказать, обратившись к художественной литературе.(35 слов)

Мне хочется рассказать об удивительной книге и ещё более удивительном авторе – Антоне Семёновиче Макаренко, педагоге и писателе. Сейчас мало кто читает его «Педагогическую поэму», мало кто знает, что А.Макаренко создал школу, в которой обучались несовершеннолетние преступники. В лесу. На поляне. В здании старой колонии для малолетних преступников. Его книга названа просто и то же время пафосно – пе-да-го-ги-че-ска-я по-э-ма. Педагогическая! Поэма! Думаю, те, кто читал эту книгу, согласятся со мной: в ней очень образно и выразительно описан труд педагога, самоотверженно выполняющего свою работу. Антон Семенович пишет о себе, о трудных подростках–беспризорниках, малолетних преступниках, которые были уже сформировавшимися «личностями», о педагогическом коллективе, в котором случайные люди не задерживались... Читая произведение, мы вместе Макаренко встречаем первых воспитанников, раскрываем вместе с ним случаи воровства, боремся с пьянством учеников, грабежами, их игрой в азартные игры. Мы ужасаемся вспышкам антисемитизма и обнаруживаем мёртвого ребёнка в спальне девочек. В то же время вместе с ним верим в тех, кто совсем недавно был беспризорником, вором, насильником, игроком... И шаг за шагом разрозненные группы ребят объединяются, становятся крепким и дружным коллективом. «Педагогическая поэма» - одна из жемчужин русской литературы. Это наблюдения человека с многолетним педагогическим опытом, влюблённого в свою профессию. Это наблюдения педагога, считавшего себя счастливым. (198 слова)

Вспомню и другое произведение, в котором тоже поднимается вопрос любви. Только речь в нём идёт не о любви к профессии, а о любви к родным детям, к мужу. Конечно же, это роман Л.Н.Толстого «Война и мир», в котором, по мнению самого писателя, одной из главных мыслей, наряду с народной, является мысль семейная. В образе Наташи Ростовской, любимой героини автора, воплощен идеал женщины-матери. Сущность её натуры – любовь. Это чувство неотделимо от героини. Своё счастье она находит в семье. Не случайно в эпилоге мы видим её не наивной девочкой, а любящей и любимой женой, матерью четверых детей. Любовь к Пьеру и детям делает Наташу по-настоящему счастливой, только в семье она приобретает душевное спокойствие. (111 слов)

Приведенных аргументов, как мне кажется, достаточно для того, чтобы утверждать: человек счастлив тогда, когда ему комфортно и дома, и на работе, когда он может заниматься любимым делом, когда он окружен заботой и лаской родных и близких. А значит, любовь к профессии и к семье, безусловно, является источником счастья. (48 слов)

Всего: 425 слов

² Выделен тезис